

СТАНИСЛАВА ПШИБЫШЕВСКА

ТЕРМИДОР

STANISŁAWA PRZYBYSZEWSKA

THE DANTON CASE

*

THERMIDOR:

Two Plays

Northwestern University Press

1989

The Danton Case

Thermidor

TWO PLAYS

STANISŁAWA PRZYBYSZEWSKA

Stanisława Przybyszewska, 1923.

Станислава Пшибышевска

ТЕРМИДОР

Перевод с английского – Наталия Базилинская,

ред. Татьяна Черноверская

Эта пьеса Станиславы Пшибышевской была написана ею по-немецки в 1925 году; позднее, по завершении «Дела Дантона», она сообщала своим корреспондентам, что работает над новым, польским, вариантом пьесы. Однако в настоящее время известен лишь машинописный экземпляр немецкого текста, обрывающийся на полужае, – и на его основании невозможно понять, была ли тогда пьеса вообще завершена. Читателям драма «Термидор» доступна в настоящее время в двух переводах – на польский и на английский; информацией о публикации немецкого оригинала я в настоящий момент не располагаю. Таким образом, вниманию читателей предоставляется вторичный перевод, выполненный с английского перевода.

Ред.

Действие Первое	5
Действие второе	57

Действующие лица

Жан Никола Бийо-Варенн	Антуан Луи Сен-Жюст
Жан Мари Колло д'Эрбуа	Жан Ламбер Тальен
Жозеф Фуше	Максимилиан Франсуа Мари Исидор де Робеспьер
Лазар Карно	
Бертран Барер де Вьезак	Вилат

Список действующих лиц составлен английским переводчиком

Действие Первое

*Около восьми часов вечера. Июль. В зале заседаний Комитета общественного спасения **Бийо**, **Колло** и **Вилат** сидят близко друг к другу по правой стороне большого стола. Все они склонились над бумагами.*

***Карно** рассеянно смотрит перед собой, как и **Фуше**, который выглядит нервным и нерешительным, и время от времени начинает расхаживать по комнате. Привычно возвращается на свой любимый стул у окна. Сложно предсказать в какую сторону он пойдет в следующий раз.*

***Бийо** отодвигается от коллег, откидывается в кресле и впадает в какое-то оцепенение. Он утомлен даже больше, чем **Карно**. Вся его кровь, каждая клетка тела пропитаны усталостью.*

***Карно** бросает беглый взгляд на лежащий перед ним листок бумаги. Удовлетворение молниеносно вспыхивает и тотчас угасает, едва достигнув его сознания, как небольшое отклонение от привычного течения мыслей. Он приводит в порядок бумаги, кладет их в кожаный портфель, еще раз смотрит по сторонам и делает движение, будто хочет уйти. **Фуше** осторожно наблюдает за ним.*

Фуше. Доброй ночи.

Двое депутатов поднимают головы, и что-то бормочут.

Фуше преграждает ему путь.

Если позволишь... [*Протягивает листок бумаги.*]

Карно. А... [*Неохотно берет бумагу, сдерживаясь, чтобы не разорвать на кусочки, складывает ее.*] Я так тебе признателен. [*Возвращается к столу, чтобы аккуратно положить документ в портфель.*]

Фуше. У тебя лихорадка?

Карно. Нет, почему ты спрашиваешь?

Фуше. Просто я подумал... Всех твоих коллег немного лихорадит, болезнь носится в воздухе. И твои руки так дрожат.

Карно. Я здесь без отдыха со вчерашнего вечера.

Фуше. По крайней мере, теперь ты сможешь немного поспать.

Карно вздрагивает, их глаза встречаются.

Фуше [*с совершенно невинным удивлением, самым естественным голосом*]. Что? Нет, ты меня неправильно понял, я ни на что не намекал.

Карно [*настойчиво*]. Ты на что-то намекаешь каждым своим словом. Ждешь, что усталый человек откроет свои мысли, как раскрывается устрица, когда ее сопротивление иссякает. Что ты хочешь от меня узнать? Пожалуйста, карты на стол.

Бийо хмурится на своих соседей, подымается, и смотрит на говорящих.

Колло. Можете замолчать, вы, оба?

Вилат. Мы достаточно это обсуждали. Пусть сегодняшний день будет исключением, пожалуйста!

Фуше. Ты страшно переутомился, Карно. Так продолжаться не может. Республика нуждается в тебе.

Карно [*его плечи вздрагивают*]. Совершенно верно. Я должен взять выходной. Сейчас, когда я добился согласованности на всех фронтах и внутри страны. [*Сжимает кулаки и говорит сквозь зубы.*] – Внутри страны...

Фуше. Конечно! Советую тебе взять выходной. Если эти двое так сообразительны, что могут занять твое место, почему бы им этого не сделать?

Карно [*тихо, стуча зубами*]. Говори! быстро!

Фуше. Читая то письмо, я поразился вежливости Сен-Жюста. Он высказал свое мнение о твоих приказах полностью, обстоятельно и при этом *без единого* оскорбительного слова. Какое мастерство!

Карно. У негодая талант – к сочинительству.

Фуше. Но пока я знаю только *его* мнение. *Audiat et altera pars*. Теперь слово за тобой, что ты сам думаешь о своих приказах?

Карно. Тебе-то какое дело? Что ты в этом понимаешь?

Фуше. Конечно, я не военный... Но если юристы в этом разбираются, почему не попытаться священнику.

Карно. За этим стоит *он*? И в *этот* раз?

Фуше. Нет, конечно, нет. Я просто подумал... Я знаю, как он интересовался твоей работой. Сейчас он убрал руки со штурвала... и все

же. Разве кто-нибудь еще в Париже мог знать об этом конкретном указе, кроме как от тебя самого?

Они смотрят друг другу в глаза.

Карно [*дрожа*]. Коллега обсуждал со мной эту идею, раньше, конечно. [*Бледнеет.*] Опять измена с секретными документами.

Фуше. Н-нет... что-то еще. Хорошо, коллега, как ты говоришь, *подсказал* тебе эту идею, Карно. [**Карно** *вздрагивает.*] И эта идея была слишком умной при всей ее... ну, бессмысленности, чтобы ее мог придумать этот коллега. Она пришла из источника, вызвавшего большое недоумение. От *другого* коллеги. И ты позволил себе оглохнуть, как тетерев на току. И услужливый коллега проинформировал *своего* коллегу, который, как ты знаешь, сейчас в Бельгии и, можно сказать, проводит твой план в жизнь. И коллега твоего честного коллеги не оставил этот вопрос без ответа – который сейчас тяжело давит тебе на желудок [*указывает на портфель*].

Под приказом придуманным твоим коллегой стоит твоя подпись. Это был государственный секрет. Но плачевная ситуация, в которой ты оказался, и результаты приказа – уже *не* секрет.

Ты храбрый человек Карно, если ты все еще с нами. Кто-то другой давно постарался бы скрыться в подполье.

Карно *слушает с опущенной головой. Его челюсти крепко стиснуты, сжатые кулаки побелели. Мгновенное молчание, затем он откидывается назад, делает резкий вздох, хватается портфель и исчезает. Так хлопает дверью, что здание содрогается до основания. Фуше* *не улыбается, он возвращается к окну. Бийо* *вскакивает, сдерживаясь, чтобы не выругаться, его лицо кривит болезненная гримаса.*

Колло [*прочел газету, смеется*]. Поздравляю

Вилат [*горячо*]. Неплохо, а? Только нужно привлечь к этому его внимание.

Колло [*мгновенный взгляд*]. Так сделай это.

Вилат. Хмм [*потирая рукой шею*]. Разумеется. Совершенно верно. Ну? Что ты об этом думаешь? [*Взглядывает на Фуше*].

Колло. Неплохо... вот здесь и вот здесь. Особенно для такого как ты новичка. Ты начинающий, не так ли?

Вилат. Мой первый труд. Двойная нужда стояла у его колыбели. Написано кровью моего сердца. Каждый может это понять, прочтя внимательно. [*Снова оглядывается по сторонам, затем шепчет на ухо Колло.*] Спроси его.

Колло [*оборачиваясь*]. Фуше, тебя просили высказать твоё мнение.

Фуше [*дружески*]. Ты же знаешь, оно никогда не ценится.

Бийо *неожиданно передергивает плечами, резко выдыхает. Те двое смотрят на него. Он вдруг указывает на газету.*

Бийо. Что это? [*Недоуменное молчание.*] Эта дерьмовая газетенка... сегодня?

Фуше *незаметно начинает прислушиваться. Он опускается в кресло справа, как бы давая понять, что представление начинается.*

Вилат. Дерьмо самое эффективное оружие, когда воюешь с полубогами.

Бийо [*смеется и немного взбадривается*]. О, вы, идиоты, жалкие идиоты! [*Неожиданно очень вдумчиво.*] Да, время заставляет нас постепенно терять хладнокровие, не так ли? Особенно пока ничего заметного не происходит. Невозможно идти с ним в ногу. Это совершенно непристойно. Время сбежало от нас, как молодой жеребенок. Немало людей поранились, пытаюсь бежать за ним.

Вилат. Не всякий может вскочить ему на спину и наслаждаться скачкой.

Колло. Но всякий может и должен поспешить помочь его обуздать. Ты согласен, я надеюсь?

Бийо. Нет. Но по крайней мере попытайся. Даже если у тебя не хватит на *это* способностей.

Фуше. Тебе приснился дурной сон, Бийо?

Недолгая тишина.

Бийо [*неподвижен, разглядывает газетные листки*]. Скажи, Вилат, почему ты это делаешь?

Вилат. Моя внутренняя жизнь отталкивающая. Почему ты интересуешься именно ей? Как будто не существует множества других странностей.

Бийо. Твой пасквиль просто плох. Настолько плох, что создается впечатление, будто в глубине души ты хотел произвести противоположный эффект. Когда мы всерьез кого-то ненавидим, мы не действуем так грубо. Обвинять *его* в безнравственности! В сексуальных извращениях – *его*!

Ты привлек внимание к его добродетели, и очень успешно. Если в *этом* была твоя цель, ты можешь быть доволен.

Фуше. Бийо по-прежнему витает в облаках. Он думает, что любая клевета покажется массам слишком вопиющей, чтобы в нее можно было поверить. Но – чем невероятнее, тем лучше. Народный трибун не должен выставлять свою слишком возвышенную душу напоказ перед почтенной публикой, Бийо. У тебя было пять лет, чтобы это понять.

Бийо. Не трать слов, Фуше. Все, что внутри тебя и снаружи равно бесценно. [*Вилат смеется*]. Какая жалость, что старые добрые дни миновали, не так ли, молодой человек. Дни, когда можно было прожить на самых жалких шутках, произносимых другими, до тех пор, пока у тебя получалось смеяться над каждым их словом. Из тебя вышел бы способный придворный шут. Сложно найти кого-то раболепней. А сейчас тебе остается только доносительство. Тяжкий способ зарабатывать на хлеб с маслом.

Колло [*сердито*]. Эй, Бийо, что с тобой случилось? Желудок разболелся? Или зубы?

Бийо. Вы все ненавидите его, как дворняжки, побитые палкой. Вы боитесь его. Боитесь – слишком слабо сказано. Вы просто часть парижской толпы, он – личность. Потому что Республика существует только благодаря *его* воле. Да, он один, и он такой единственный. Он предоставил вам свободу действия, благородно удалился, позволив вам сделать первый ход, он дал вам для этого месяц. *Мог ли кто* вообразить больше иронии в его презрении. – За такое обращение он заслуживает убийства.

И ты пересказываешь какую-то чушь, заимствованную у римлян и печатаешь ее в газете, предназначенной для прокламаций. *Вот* твои шахматные ходы, твоя тактика, твоя месть. *Вот*!

Комкает газету и вышвыривает в окно.

Фуше [*вздрагивает*]. А-ах!

Колло. И что это должно значить?

Фуше. Внимание, все. Смерть – это бросок.

Колло. Что ты говоришь?

Фуше. Это был выразительный жест. Мне нравится, как великие ораторы бросали свою жизнь на чашу весов. Бийо сделал это по-новому, просто и очаровательно. В этой газете была не только наша жизнь, в ней было наше достоинство. Я с нетерпением жду, что произойдет потом.

Бийо. Чего именно ты хочешь?

Фуше. Поздравить тебя. Ты или прирожденный актер или герой. [*Бийо пожимает плечами. Фуше неожиданно меняет тон.*] Одним движением руки ты взял на себя задачу, с которой не каждый может справиться.

Долгое молчание.

Бийо. И которую ты столь охотно возложил на мои плечи, так что ты можешь разделить ее со мной.

Пауза.

Вилат [*удовлетворенно*]. О, да, ты знаешь, он прав. Ты можешь взять на себя эту великую задачу.

Долгая тишина.

Колло [*шепчет испуганно*]. Я ничего не понимаю...

Долгая пауза.

Бийо [*странно звучащим голосом*]. Нет, я не могу принять этот вызов.

Фуше [*многозначительно смеется*].

Вилат. Теперь ты меня *понял*? Мы можем пожать друг другу руки. Обе стороны бессильны. И обе теперь с этим согласны.

Пауза.

Колло [*удивленно*]. Ты им зачарован, вы все им загнипнотизированы.

Фуше. А кто избежал этого, Колло. Только самые сильные головы могут против него выстоять.

Вилат. Ты имел в виду самые *крепкие* головы.

Фуше [*сухо*]. О, действительно.

Бийо. Да, Фуше прав. И... и я не должен бы отказываться. Но моих сил недостаточно. Вы понимаете, что должно быть сделано?

Это значит свалить человека, который из идеи построил государство, и кто единственно своей волей поддерживает это государство на высочайшем уровне.

Когда эта голова упадет в корзину, ни один атом во вселенной не содрогнется; но она содержит мозг, подобный которому господь не создает и дважды во всякое столетие. И когда этот мозг перестанет работать... Вы видите, что меня здесь пугает. Моя обязанность свергнуть узурпатора! Но тогда достаточно будет первому толстому Бурбону пересечь границу, и Республики как ни бывало! Теперь вы знаете, что такое Республика; никто, кроме него не сможет ее сберечь. Я не могу, Фуше не может, никто, никто не может. Вы говорите он диктатор? Да, он правит, потому что он *может*, он *должен* править. Гений *этого* калибра должен править, хочет он того или нет. И мы должны воздвигнуть ему алтари, потому что он несет бремя правления, не узурпируя его привилегий, в отличие от любого короля на этой земле. Да, конечно, мы можем воздвигать ему алтари, вместо того, чтобы думать, как избавиться от него.

Вилат. Но одно с другим прекрасно сочетается.

Фуше смотрит на него с интересом.

Бийо. У римлян в этом было перед нами преимущество: им не нужно было уничтожать своих героев, чтобы поклоняться перед ними.

Присутствующие, компания клакеров, не должны разыгрывать комедию возмущения. Только Вилат имитирует жесты хора, в отчаянии заламывая руки.

Бийо. Действительно, лучшее, что мы можем сделать, это воздвигать алтари.

Колло. О, мой друг, разве не это происходит сейчас повсюду?

Вилат. [*Голосом, какого они от него еще не слышали*]. Гильотина тоже алтарь, Бийо. Возможно даже святейший. Стол, за которым Иисус той ночью превратил хлеб в вино и передал их своим ученикам, тоже был алтарем. Как бывший священник я знаю эти вещи. Так что пожалуйста, не надо угрызений совести.

Фуше [*после короткой паузы*]. Итак, мы дошли до сути; Бийо, ты совершенно не понял, что я говорил об ответственности. При твоей

мегаломании этого следовало ожидать. Забудем об этом. Как получается, что здесь, в цитадели Комитета я обнаруживаю те же идеи трона и алтаря, что были у прежних владельцев.

Для бесстыдного злодея, который счел себя достойным вернуть трон и самому на него усесться, ты хочешь также, из чистой благодарности, воздвигнуть алтарь! О, человеческая душа!... Но давайте оставим этот опасный вопрос, моя безобидная шутка завела нас слишком далеко.

Колло [*какое-то время спустя*]. Теперь вы отступаете и говорите о возведении алтарей, но только потому, что шесть недель вы дышали свободно, не чувствуя его рук у себя на горле. Возводите ему алтари! Человеку... человеку, которого вы, вы сами обвинили в лицо в измене. Возводите алтари слабовольному эпилептику, которого я однажды чуть не схватил за шкирку и встряхнул.

Бийо. Не каждый день слышишь такие глупые обвинения. Я выскажусь яснее. Я ненавижу этого человека и считаю его узурпатором. Все верно. Мои убеждения не обсуждаются. Но я также способен оценить его ум, его политику. Содрогаешься когда думаешь об уничтожении столь удивительного Божьего дара.

Фуше. Хорошо, это, по крайней мере, искреннее признание. Это нужно сделать, но пусть это сделает кто-нибудь еще. Я и сам не осмеливаюсь. Действительно, господа, давайте оставим это. Давайте оставим.

Вилат. Ей-богу, Фуше, приди в себя. Как мы можем «оставить это». Это невозможно. Слава богу, тебе не приходится видеть эту неприкосновенную персону лицом к лицу каждый день. Он безжалостен, как иудейский Бог, но он бережет тебя! Ты держишь с ним дистанцию. Ты никогда не смотрел ему в глаза. Трудно даже упомянуть его имя. Но только попробуй подумать о ком-нибудь еще. «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди них». Даже если он тихо сидит дома, возможно, сочиняя сонеты, его влияние по-прежнему поработает.

Колло. Вот как! Да любой помешенный или бандит внушает те же чувства.

Бийо. О нет, мы думаем о разбойнике только потому, что мы его боимся.

Все остальные вместе. А о нем?!

Бийо. О нем мы тоже думаем со страхом... [*Невнятные смешки, которые он игнорирует.*] Но этот страх гораздо более значителен; он естествен. [*Ропот.*] Мы забываем о разбойнике, когда он перестает нам угрожать. *Его* вы... мы никогда не забудем. [*Насмешливый ропот.*] Мы связаны с ним всеми нашими жизненными нервами. Он человек высшего порядка, святой, как когда-то предпочитали называться такие люди. Он может стать чем-то большим, чем правитель или лидер, он мог бы стать отцом, патриархом в глазах двадцати пяти миллионов человек. Ладно, теперь он уже не таков. Потому что он эгоистичен. Это его ахиллесова пята, язва на теле серафима. Его эгоизм экзальтирован, но этого только хуже. Он неверно использует свою силу, свой дар правления. Он любит толпу, но ненавидит человека; он жесток с отдельными людьми во благо общества. Да, он руководит нашими умами, он обескровил наши мозги, в его руках мы разваливаемся на части.

Он могущественный творец, его успехи изумительны. Произведениям, которые он создает, не хватает одного – жизни. Полубог с детородной силой Приапа – и все же бесплодный.

Вилат издает смешок, стараясь, чтобы в нем явно прозвучали вульгарные нотки.

Колло. Я умоляю, тебя, Бийо, держись фактов, или, со всем моим к тебе уважением – захлопни свои золотые уста. С тех пор как Дантон отправился в ад, все мы втайне размышляем, как осуществить некие... некие дальнейшие перемены. Но сейчас этот вопрос вышел наружу едва ли не нам назло. Долгое время мы были объединены общей целью. Сейчас, как вы знаете, общая опасность даже больше укрепила эту связь. Уже шесть недель мы живем в состоянии невыносимой неизвестности, возрастающей с каждым днем, с изумлением осознавая, насколько мы зависимы – и беззащитны.

Следует признать, у нас постепенно появлялось болезненное ощущение, что мы попали в ловушку. Как могло случиться, что он рискнул предоставить Комитет самому себе на шесть долгих недель? Неужели у него есть иллюзии в отношении наших чувств? Что он может прятать в рукаве? Мы говорили сначала: все, с ним покончено. Но нет, с ним, с тем, кто за шесть недель создал самое опасное в мире бюро полиции, кто в полном молчании контролирует всю Францию, покончить невозможно.

Бийо [*шепчет*]. Конечно, нет.

Фуше. О, ты преувеличиваешь, Колло, да еще как. Он просто взял отпуск. Возможно, с ним еще и не кончено, но до этого недалеко. Ответ на эту загадку на удивление прост: чахотка. Вы знаете, как это обычно бывает: болезнь развивается втайне, жертва едва ли что-нибудь чувствует. Но в один прекрасный день она проявляется открыто. Затем короткая борьба, исход которой предрешен. С ним это произойдет быстро, ведь он себя не бережет. Разумеется, он не хочет, чтобы мы наблюдали его падение. Он, Непобедимый, сейчас слаб, как ребенок, сломлен телом, измучен душой! Он продолжает прятаться, я понимаю эту стыдливость тех, кто сгнивает заживо. Возможно не позднее чем через неделю он уже не будет опасен – никогда. Через неделю.

Недолгая тишина

Но, как вы знаете, у умирающих бывают очень забавные идеи. Какая жалость, что он все еще обладает почти неограниченной властью

Напряженное, хотя и недолгое молчание.

Бийо [*тихо*]. Какая жалость, что ты не можешь держать свое... воображение под контролем. Зачем ты вводишь нас в заблуждение? У тебя есть хотя бы слабое представление о правде? Не знаю. Ты вызываешь у меня отвращение, но ты для меня загадка. Ты понимаешь его? Сомневаюсь. Ты для этого слишком хитер. Из вас я один до конца понимаю этого человека.

Вилат. О, Бийо, тогда ты должен рассказать нам все. Ты обязан!

Бийо. Именно это я и собираюсь сделать.

Посмотрите, что сейчас представляет собой наша Республика. Это ад. Совсем недавно провинции вышли из-под контроля, бунт бурлил повсюду вокруг Парижа. Сейчас все тихо. Не кажется ли вам странной эта глубокая тишина? Разве здоровая страна может оставаться такой спокойной? Недавно Европа шла на нас в наступление на всех четырех фронтах. Сегодня наша армия празднует в Брюсселе покорение Бельгии. Коалиция в смятении.

Но здесь, в Париже можно обнаружить истинное положение дел. Импульсивные парижане тихо отсиживаются за закрытыми ставнями. Правительство заседает в изоляции, в центре мира, которому оно стало чуждо, в пугающей пустоте. Лишенное поддержки в народе, деморализованное, правительство запуталось в неразрешимых

проблемах. Столкнулись две противоположные силы, и ничто уже не течет гладко. За шесть недель не было сделано ни единого шага вперед.

Республика распадается на части. Террор правит ... грандиозной грудой булыжника, еще два года назад бывшей прекраснейшей страной Европы. Но покорить эту грудку нельзя. Разбитые армии спасаются бегством от ее границ. Эта грудка булыжника источает силу, защищаясь упорнее, чем мощная крепость. Это чудо сотворили мы. В нас десятерых, находящихся в центре этого мертвенно тихого, пылающего города, сфокусирована невиданная сила. Конвент уже труп, пожираемый червями, но Комитет живет ради самого себя, Конвента и всей Республики. Мы поддерживаем иллюзию жизни. Все напрасно, и мы это знаем. Мы хотим только забвения и ни на что не надеемся. Тогда почему мы все еще действуем? Только из тщеславия политиков, чтобы скрыть от мира полный крах нашей идеи? Нет, эти соображения слишком слабы, слишком тривиальны, чтобы породить такое напряжение всех сил. Мы действуем, потому что он принуждает нас к этому. Он поддерживает прогнившую Республику и вынуждает Европу платить нам дань уважения. Из-за него мир не знает правдивого ответа на важный вопрос: Жизнь или Смерть суждена Республике. Я надеюсь, что вы получили хотя бы смутное представление о том, кем является наш уважаемый коллега.

Колло. А ты понимаешь, Бийо, что твоя восторженная речь лишь поток пустых слов?

Бийо. Довольно. Эти факты нельзя выразить словами. Но вы, вы – восемь человек, на которых возложена ответственность, не видите, что творится вокруг. Не можете ничего сделать, только дрожите за свою драгоценную жизнь! Возможно, моя точка зрения безумна, но ваша – позорна.

Вилат. Тебе волнует, разделяют другие твоё мнение, или нет?

Бийо. Волнует. Теперь, когда Республика больше не существует, я ищу ее сияющие следы в каждой душе. Все, что соприкасалось с ней, должно быть чистым и острым, кристально чистым. А вместо этого...

Фуше. Ты все еще не понял Бийо, что человек это не минерал. Если даже мы придем к согласию на счет вещества, из которого он состоит, пусть оно будет *немножко менее чистым*. Но какие различные формы может принять минерал! Насколько они интереснее! Восемьдесят девятый год принес с собой достойную сожаления моду относиться к людям, как к драгоценным камням и соответственно их обрабатывать. И вот результат.

Дорогие друзья, человек слишком похож на свинью, он не может не выпачкаться в грязи и навозе. Вы приготовили для него хрустальное жилище из снега и льда. Не удивляйтесь, если счастливец за ночь замерзнет насмерть.

Бийо. Да... Фуше. Хвала небесам лишь немногие обречены видеть и думать именно так.

Вилат. Ты хочешь сказать, он не прав?

Бийо. К несчастью, факты на его стороне. Небольшая часть человечества имела смелость попытаться превратить человека в... человека. Но эксперимент был неудачен. Результат тысяч лет, калечивших человека, не может быть исправлен в несколько дней. Возможно чрезмерные усилия произвели губительное воздействие на народ. Возможно, было бы лучше, если бы все мы, правители, не были моложе сорока лет. В любом случае мы безвозвратно утратили свою свободу.

Вилат. Чем скорее мы стащим этот труп с трона и погребем его, тем лучше.

Фуше. Хорошо, Бийо, значит мы идем к тому, чтобы открыто признать над собой диктатора.

Вилат крестится и вскакивает на ноги. Фуше кивает и улыбается пораженному Колло.

Бийо. Не надо меня провоцировать. Я уже все сказал. Но все же он достаточно силен, чтобы править без регалий. Он также единственный, кто может поддерживать видимость Республики. Республика живет лишь в нем самом, но живет достаточно полной жизнью, чтобы справиться со всеми народами Европы.

Вилат. Куда это нас приведет?

Бийо. Куда приведет? А у тебя есть хотя бы малейшее представление, куда мы несемся? Когда государство внешне выглядит столь блистательно, а изнутри бьется в конвульсиях, как земляной червяк, разрубаемый на тысячи частей, мы, единственные оставшиеся вожди, идем по нехоженой дороге, в неизвестном направлении.

Вилат. В этом случае, Бийо, я не понимаю, почему тебе не признать верными любые средства, которые помогут свалить этого человека, почему ты не ищешь любой шанс, почему...

Фуше. Да, почему, ведь ты сказал, что даже жирный Бурбон лучше, чем *такая* Республика?

Бийо. *Когда* я такое говорил? Напротив, я очень сомневаюсь, что даже ограниченная монархия будет лучше, чем наша Республика, хоть она уже и мертва. Почему я не хватаю его за горло? Я уже говорил, я себе не доверяю. Он единственный гений, которого даровал нам ад. Мы видели его в действии: Второй год Республики – его работа, как ни трудно нам это признать. Я всматриваюсь в его теперешнее состояние и, повторяю, я не доверяю себе. Я ненавижу его всем сердцем, но не как вы, в вас есть только обычная ненависть слабых, которые вынуждены действовать. Я стал ненавидеть его только с того момента, когда разрушился смысл нашего существования. С того вечера, когда мы все вместе, и каждый в отдельности, пришли в глубине души, к выводу, что революция победила напрасно. Удар, подобный этому, оставляет следы. Я не могу понять, как мы его пережили. Мы по-прежнему оглушены. В наших душах начали прорасти странные всходы. Мистический эгоизм стал развиваться в нем, устойчиво, в пустоте, вызванной его падением. Он докатился до самообожествления, он окружил свою душу безумной любовью, карикатурой на поклонение богу. Это ужасно. Неизмеримая ненависть заменила во мне высохший источник жизни. Эта ненависть направлена на него, потому что он потерпел поражение. Потому что он оказался неравен своей задаче. Потому что человеческое ничтожество опутало его, как это произошло со всеми остальными. Именно в этом единственная причина, почему, наслаждаясь чужими неудачами, вы все могли любоваться моими постоянными столкновениями с ним, поэтому я атаковал его нервы день за днем, снова и снова.

Колло. Ты считаешь его сумасшедшим?

Бийо. Пока нет, но, возможно, он к этому идет. Это уже очень опасно, когда человек преклоняет колени перед божеством в самом себе. И он увлекся таким богослужением. Он знает лишь, что, как носитель духа революции, он не может проиграть. Он действительно считает себя хранителем святых даров. Он, а не тот молодой энтузиаст, который из любви к нему хочет завоевать весь мир. Для того, чтобы не допустить профанации, он поддерживает из последних сил форму – мертвую форму – являющуюся Республикой только по названию. И: *apres moi – le deluge.*

Фуше. Ты может быть прав насчет его безумия. Но, Бийо, те, кто поклоняются сами себе, стремятся к изоляции не на высотах, куда трудно добраться, и где их превосходство каждый день подвергается испытанию,

но в тихом уединении, как отшельники. Наш уважаемый коллега, имя которого видимо могут называть лишь первосвященники, поклоняется не себе, но своему созданию. Это более опасно, более человечно, и гораздо более вероятно. Он придумал свою Республику. Он ее создал, он в нее безумно влюблен. Ему кажется, что он не может даже умереть без нее. Он знает, что сон закончился, и что его карточный домик рассыпался на кусочки. Он это знает, но он держит это в тайне, обманывая себя, считая, что никто, кроме него, не знает об этом. Ты прав, когда говоришь, что он соблюдает приличия.

Он, знает, что жизнь разрушает руины, выплавляет из них вновь другие, столь же кратковременные структуры. *Этого* он не примет, куда жив. Как овчарка, охраняющая тело хозяина, он не позволит земле взять то, что принадлежит ей. Республика гниет, и заразит весь мир, если она не порвет с ним и – как справедливо говорит Вилат – не погребет его.

Это, однако, будет нелегко. Его интуитивная бдительность в самом деле вещь необычайная, и сделать что-либо *против* его воли вряд ли возможно. Действительно, ситуация критическая.

Бийо. Но ты говоришь, да с такой уверенностью, что с ним покончено.

Фуше. Да, с ним кончено. Но такой, как он не отойдет мирно в вечную тишину. Он сначала попытается организовать по себе такие поминки, что люди запомнят их надолго. Я вижу как это будет: его цель – взорвать Францию как пороховой склад. Не систему управления, конечно, это ничего бы не стоило, но само государство. Это звучит очень романтично: потому, что его любимая Франция не достаточно сильна, чтобы быть Республикой, пусть она лучше умрет, чем вернется в бордель монархии. Тот, у кого была неверная возлюбленная, кто страдал из-за нее, может легко представить себе его настрой.

Вилат. [*тупо*]. Он не имеет права!

Бийо. Любовник, размышляющий, что правильно а что неправильно, был бы евнухом.

Колло. Но он *не может* этого сделать!

Фуше. В самом деле?

Подумайте, господа, почему Франция еще не распалась на части? Вы сами дали ответ: во-первых, из-за неожиданно благоприятной военной ситуации, во-вторых, потому что существует Комитет, плюс пять или

шесть любителей, не говоря уже о нем, Неподкупном. Если бы он, этот spiritus movens, отошел в другой мир, сначала ненадолго настал бы хаос, но, в конце концов, освободившиеся лидеры пришли бы в себя и помогли стране найти новую, более практичную форму правления. С другой стороны, если бы Господь вдруг призвал *весь* Комитет на небеса, то Франция осталась бы обезглавленной. О результатах несложно догадаться: в стране – Страшный Суд, на границах поначалу долгая пауза в боевых действиях, когда инструкции перестанут поступать из Парижа, затем каждый генерал будет стремиться использовать общее смятение, чтобы очистить для себя путь на императорский трон. Если все пойдет хорошо, через три недели после того, как Республика будет гильотинирована, позорно изгнанный король Пруссии сможет сказать своему конюшему, что вот этот зал в его распоряжении.

Вот его план. В одно прекрасное утро он появится здесь, потребует головы своих коллег по Комитету, получит их и никогда не придет снова. Достигнув цели, можно с удовлетворением совершить самоубийство.

Колло. Но... Какие у тебя основания думать, что это входит в его намерения? Похоже, ты зашел слишком далеко...

Фуше. Я знаю одно: последние несколько дней за всеми выдающимися людьми следила стая шпионов. Кроме того, я знаю, что это из-за него добрый Карно, мозг армии, попал в опасную ловушку. Его гений позволял *ему* достаточно часто вмешиваться в область стратегии и тактики, всегда с хорошими результатами, теперь, он напротив, подсказал бедному Карно адскую идею. Инструкция, придуманная таким образом, была направлена в Самбро-Маасскую армию, она может стоять нам всей кампании. Однако не это было целью интриги, а то, что любимый молодой ученик получил новости ко времени, изменил приказы, как он счел нужным, и послал обо всем донесение в Комитет, которое может стоять бедному Карно головы.

Долгое молчание.

Бийо. Какое донесение? Я не видел ничего подобного.

Фуше. Оно прибыло сегодня рано утром, друг. Вас обоих здесь не было, а те, кто прочел его – онемели. Карно только что дал мне прочесть эту записку. Завтра вы сможете судить сами.

Бийо [*вдруг оборачивается*]. Почему бы тебе не взбунтоваться? Почему не перестать быть трусом хоть *в этот раз*? Неужели так опасно – устранить этого человека? На чем в действительности основана его власть?

Не на деньгах, не на поддержке сторонников – на самом деле, ни на чем! И все же страшное напряжение, порожденное его правлением, уже невыносимо для *всех*, для целой нации! Трудно добраться до правителя здоровой страны – если он подлинный правитель – ибо настоящее государство хранит и поддерживает его; но он? А до него, навязавшего себя сопротивляющемуся народу, наперекор духу времени и природе? Его создание безжизненно. Оно больше не говорит от его имени. Его создатель стоит обезоруженный, беззащитный. Он держит нас, Париж, всю Францию, под контролем – одним своим взглядом. Вот как обстоят дела. Чтобы защитить себя, чтобы навязать свою волю у него нет ничего, буквально *ничего*, кроме пары светло-зеленых глаз. Вы начинаете дрожать, вы падаете в обморок, когда он бросает на вас взгляд. Вы, лидеры Франции, здесь, в Комитете, будете послушно следовать его прихотям, если моя воля и ненависть не защитят вас от него. Вы никогда не замечали, как он вздрагивает, когда неожиданно появляется курьер, когда в дверях возникает незнакомое лицо. *Он* прекрасно знает, что его Республика – это иллюзия, и что всей силы его отчаяния недостаточно, чтобы ее сохранить, когда народ это поймет и выскажет. Он дрожит при виде каждого гонца, любой посетитель может принести новую весть, о том, что чей-то здравый смысл пробудился. Это все, что потребуется, чтобы в три дня 25 миллионов людей проснулись от гипнотического сна. Только представьте, на что похожа его жизнь! В любой час дня может зазвучать труба, зовущая на Страшный Суд. У вас перед ним дрожат коленки, но как должен бояться он сам! Ужас смотрит на нас с лица, на которое вы не смеее поднять глаза.

Вилат. Одним словом, это состязание. Тот из противников, кто сломается под тяжестью страха, проиграет.

Бийо. Ребенок может свергнуть его. Он не был бы человеком, если б еще мог защищать себя, он просто призывает к себе смерть. Только подумайте: может быть одного сигнала будет довольно, чтобы весь Париж воспрянул и разорвал его на кусочки...

Но вы не можете подать этот сигнал. Вы подчиняетесь воле хозяина. Против вашего желания слуга, сидящий в вас, кланяется ему. И он *просто* обязан править, хочет он того или нет, природа создала его для этой цели. Такие люди не умирают в бою, восстания против них не удаются. Вот почему все подлинные правители умирают от рук убийц, не побежденные, но удивленные ударом в спину.

Это дастся вам легко. Его создание разваливается. Над головой висит тяжчайшее проклятие – бессмысленность. Сама природа предрекает

ему погибель, так как он не будет воздерживаться от убийства. В нем больше не осталось жизненной силы. Ваш животный инстинкт жизни имеет все шансы на успех. Вы только должны понять, что должны исполнить свой патриотический долг. Призовите свой удобный героизм трусости и воткните в него нож где-нибудь в потемках.

Колло. Взор! Это ты, ты, маскируешь свою трусость прячась за дикими галлюцинациями! Ты дрожишь перед ним так же, как и все остальные; но они, по крайней мере, это признают. Из несчастного, конченого человека, сломленного переутомлением, делаешь индуистского бога зла.

Это нелепо, Бийо. Когда я слушаю тебя, и вижу перед собой это зеленую физиономию покойника, дикие, блестящие глаза, с расширенными зрачками, свинцовый цвет лица, который у него иногда появляется в предрассветные часы, когда его взгляд просто умоляет о пощаде.

Знаешь что? Мне смешно. В нем заметен страх, да-да; не страх полубога или титана, но тот же, что и у нас: страх уничтожения. Кроме того, он живет в постоянном страхе внезапного физического срыва. Геракл-эпилептик с чахоточными легкими.

Вилат. Вы оба так забавны. Вы перебрасываетесь все теми же снарядами. Но, уважаемые господа, по правде говоря, этот Неприкосновенный стал Спасителем, тем более что эта роль ждала своего исполнителя. Бийо, как просвещенный человек, предпочитает говорить об индуистском Шиве. Женщины у рыночных прилавков и обычные рабочие, копающие канавы, держатся за старого доброго Сына Божьего. Вы бросаете оскорбления друг другу, и каждый хочет, чтобы другие нанесли удар первыми. Но, господа, человек не может ничего сделать против религии. Только весь народ может преодолеть ее и отказаться от нее. Каждый из вас скорее потеряет голову, чем совершит настоящее кощунство, подымет хоть палец на Неприкосновенного. Вот как обстоят дела.

Колло. В самом деле. В результате ад нашей неопределенности кажется бесконечным. Он должен закончиться на лоне нашей любимой вдовы-гильотины. Мы все ждем этого; он, как и мы, с растущим нетерпением...

Шум снаружи, они вздрагивают, затем цепенеют в неподвижной сосредоточенности.

Бийо. Ты становишься бледнее, чем он, стоит лишь мыши зашуршать

Колло. Да, черт возьми, кто в этом сумасшедшем доме может держать нервы под контролем? Это чудо, что у меня еще нет нервного срыва, как у всех остальных...

Вилат. Ситуация на самом деле – хм... Внушающая опасения. Ощупывать свою шею, чтобы убедиться, что она цела, все время думать о Вдове. Никогда не строить планы на завтрашний день...

Ваш Бог совсем не так беззащитен, Бийо. На мой взгляд, тот неплохо защищен, кто поставил между собой и своими оппонентами гильотину.

Бийо. Вы очень боитесь его, не так ли? И вы знаете, что стиснутые в когтях его власти, вы не можете наслаждаться тем, что ваша голодная толпа зовет жизнью. Вы буквально разрываетесь от желания устранить его. Но его взгляд не оставляет вас, и этого достаточно, чтобы парализовать ваши мозги и руки. Если бы он заснул, хоть раз, вы могли бы запутать его, как Гулливера, в сеть ваших бесконечных интриг, но он не собирается отдыхать. Таким образом, вам остается только замышлять убийство, оставаясь в его тени, и устанавливать адские машины на дороге, по которой он только что прошел. Но и такая искренняя попытка будет ли иметь место? Боже мой! У вас был шанс только с делом Тео, но вы доверили его трясущемуся старику Вадье, и ученому пуделю Бареру, что гарантировало виртуозное фиаско с самого начала. Что за идиоты! Это дело привлекало внимание. Безвредная секта женщин-фанатичек предоставила вам уникальную возможность заявить так, чтобы вся Франция услышала: человек, который держит в руках судьбу всех нас – безумен. – Это было бы уже что-то. И что же вы из этого сделали? Барер не может взяться за что-нибудь серьезно. Барер боится собственной дикой смелости, когда видит презрительную улыбку Неприкосновенного. Барер не может поставить себя под угрозу, пока не будет абсолютно уверен в победе своей партии. А Вадье! В *его* голове революция превратилась в непристойный романчик, а ее лидер в порочного евнуха, как сам Вадье. Он стал рассказывать о том сплетни и подумал, что люди на трибунах будут смеяться. Тогда он рассказал несколько забавных анекдотов в шутовском стиле. Париж посмотрел и пожал плечами. Дело, таким образом, окончательно похоронено. Те немногие, кто были в курсе событий, были восхищены, но посмеялись они только *над вами*. Человек, которому

грозила опасность, конечно, не сказал ни слова: не стоило ему мешать глупости, настолько очевидной для всех.

И это была ваша атака на тирана.

Колло. Это правда. Фуше прав: в этом случае совместные действия целесообразны. Но я не считаю, что нужно привлекать массы. Он – человек умный, опытный, очень хитрый, но некоторые из нас могут сравниться с ним в этом отношении.

Вилат [*вполголоса*]. Колло д'Эрбуа, например.

Колло [*раздраженно*]. Естественно, я тоже как член Комитета. Так как *мы* spiritus movens или, как говорит Бийо, единственный неповрежденный орган Республики. Как группа, мы можем избавиться от него. По всем правилам искусства, для этого нам нужно только стать слепым орудием его воли. Попробуем выполнить его программу по графику во всех подробностях, как машины, без каких-либо изменений, без учета ситуации в любой момент. Давайте выйдем за пределы действительности, давайте перейдем в царство абсурда. Он скоро потеряет контроль над злыми духами, которых вызвал. Он утонет в крови, как муха, тяжесть террора в течение нескольких дней изменит весь баланс вещей.

Бийо. Да, террор, загнанная кляча всех некомпетентных дураков!

Фуше. Ты знаешь, Колло, вы не должны забывать о его – теперь подтвержденном – божественном происхождении. Лично я думаю, что террор демонстрирует это весьма наглядно. Число казненных растет каждый день, и все же наш божественный ребенок не проявляет каких-либо симптомов удушья.

Вилат. Ах, когда Бог жаждет крови...

Бийо. Он совсем не жаждет крови! Что ты болтаешь?

Вилат. В любом случае он лучший пловец из всех нас. Париж тонет, тонет Франция, но он спокойно сидит со своими верными друзьями и размышляет о путях дальнейшего облагораживания человечества.

Бийо. По правде говоря, Колло, твоя идея достойна кого-то вроде Вадье: выполнить его программу до абсурда! Но мы ничего не можем сделать, ничего другого. Он потерял контроль над своим злым духом давно, и его это устраивает, потому что, в отличие от нас, он хочет взорвать все предприятие. Государство с грохотом катится вниз, как

взорванная порода, вы хотите ускорить это падение и оказываете этому преступному Цезарю лучшую услугу на земле!

Вы хотите, чтобы он задохнулся в крови. Легче сказать, чем сделать. Я думал об этом тоже, пока не понял, в каком положении мы оказались. Я тоже приветствовал мысль о терроре, как проклятом последнем прибежище. Я хотел поднять в массах их инстинкт самосохранения и направить его против их хозяина. Мне удалось получить контроль над Комитетом Общей Безопасности и протолкнуть закон 22 прериаля. Роковая, глупая ошибка с моей стороны. Я позволил высвободиться ярости террора. Теперь я поставляю доброму Фуке его ежедневную порцию повесток, и мне хочется разбить себе нос каждый раз, когда я вспоминаю об этом подвиге, то есть приблизительно сорок пять раз на день. Когда я думаю о наших действиях в последние несколько недель, меня бросает в дрожь. Дело дошло до точки, когда я проклиная себя за каждый свой вздох, но я ничем не отличаюсь от вас. Мы сделали все что могли, чтобы привести его к его гибели, и каков результат?

Короткое молчание.

Вилат [*странным голосом*]. Бийо, я не понимаю. Что ты имел в виду, говоря о терроре и прериаальском законе?

Фуше. Этого достаточно, дети. Я знаю, что если намечается рубка голов, мы в очереди следующие. Я не могу ошибиться. Уничтожение его одного – необходимое условие чтобы другие остались в живых. Слава Богу, у Неприкосновенного есть определенные принципы и ему требуется предлог, чтобы «представить вас народу», как гласит формула. Дело в том, что он сделает это без суеты, не как 2 июня. Он уже давно отказался от любых ограничений. *На следующий день он появляется в Конвенте*, только одного слова – от вас или от него – будет достаточно чтобы секции потребовали наши головы. Просто вспомните о жирондистах!

Вилат. Вы считаете, он вернется?

Колло. Тогда нам конец!

Фуше. И еще одно. Вы знаете, непомерные требования который народ научился предъявлять своим представителям. В любой момент вы можете быть привлечены к ответственности. Я спрошу: кто из вас в состоянии дать подробный отчет о своих личных делах, не испытывая неудобства?

Колло. Бога ради, скажешь ли ты нам, наконец...

Внезапное напряженное молчание, словно кто-то подошел снаружи. В зале гудение, как будто рой комаров: это кровь пульсирует в четырех человеческих организмах.

Кто-то за дверью колеблется, по-видимому, прислушиваясь; напряжение растет с каждой минутой. Вилат перестал дышать, приоткрыв рот.

*Лицо **Бийо** вновь принимает страдальческое выражение. **Колло** становится пепельно-серым. **Фуше**, возможно, хуже всех, поскольку среди этой компании трепещущих обломков он наиболее нервный – он сидит с каменным лицом, выражающим абсолютную, зловещую пустоту.*

*Кажется, он спит с открытыми глазами. Он не бледнеет, но кровь, которую он сдерживает в жилах с ловкостью факира, кажется затвердела под кожей. В разгар этой тишины, которая, кажется, длится вечность, дверь открывается, и появляется **Барер**. Удивленное гробовое молчание. Увидев его, **Колло** и **Вилат** с облегчением раздражаются смехом. Даже **Фуше** и **Бийо** улыбаются. **Барер** присоединяется к ним с удовольствием, смех захватывает его, принося облегчение.*

Барер. О, братья, как я благодарен вам за ваш смиренный вид! Шесть недель я не видел ничего подобного. Это хороший урок. [*Кланяется снова.*] Колло, с этим лицом Амона ты выглядишь прекрасно, а твой вид, Фуше, неописуем. Просто неописуем.

Фуше [*вежливо и с достоинством*]. Рад тебя приветствовать.

Колло. Теперь слушай, Барер. Легко тебе смеяться так бесстыдно. Ты знаешь, мы привыкли к кое-чему и похуже. Но на твоём месте я вел бы себя... менее нагло.

Барер [*его лицо в свою очередь сереет*]. Что случилось?

Колло [*не отводя от него взгляда, очевидно, желая подиутить над ним*]. В принципе мы не называем что-нибудь по имени, будь то лицо или предмет. Тот, кто чувствует себя виновным, пусть советуется со своей совестью. Провидение сделает остальное – по воле Сансона.

Барер [*теперь он один не улыбается*]. Тогда скажите мне, что...

Колло [*решительно*]. Есть у нас отдельные господа, которые пренебрегают общественным мнением. Это большое несчастье. Каждый, чье сердце болит за Отечество, давно предложил свои кюлоты на алтарь свободы. Но эти господа не только этого не сделали, но и бесстыдно демонстрируют перед народом свою княжескую роскошь.

Барер. Разве прерияльский закон запрещает иметь хороший вкус?

Колло. Пока нет, в данный момент нет, но это вызывает общественное возмущение. Уже давно это связывается с пресловутой контрреволюционной деятельностью. А ты, мой друг, вызываешь общественное возмущение каждым своим вздохом.

Барер. И что же?!...

Колло. И то, что я настоятельно призываю тебя побеспокоиться. У тебя плохие отношения с высшей властью.

Барер. Откуда ты это знаешь? Скажи мне!

Фуше. Во-первых, ты должен осознать ситуацию. Ты похвастался своим новоприобретенным богатством перед самой чувствительной аудиторией: пролетариатом Парижа. Но, между нами, мой друг, твоя аудитория, помимо жажды красоты, имеет и другие потребности, и они хотят, чтобы все эти потребности были всерьез приняты во внимание. Они не так глупы, чтобы ожидать от своих представителей конкретной помощи. Они ожидают, однако, что те будут действовать, как если бы пытались помочь. Народ существует для того, чтобы его можно было использовать для наших целей; взамен он хотел, чтобы к нему относились серьезно и с состраданием: справедливое требование. Итак горе тому, кто заденет его чувствительность! А ты, мой друг, постоянно раздражаешь народ в течение последних четырех лет.

Колло. Не только народ! Ты также восстановил против себя всех выдающихся людей в правительственных кругах. Посмотри вокруг: ты окружен врагами.

Фуше. Ты никогда не думал, как иногда необходима поддержка своих сторонников?

Барер. Сторонников... Для чего?

Фуше. Для чего? [*Молчание.*] Для защиты Республики.

Барер [*лихорадочно*]. Прекратите этот бред! Что случилось? Я атакован? [*Молчание.*] Ну, скажите мне, черт возьми!

Фуше. Садись, Барер. И обуздай свое справедливое возмущение. Коварный план был составлен против тебя.

Барер дрожит от возмущения.

Вилат [*посреди всеобщего молчания*]. Барер, ты случайно не слышал о предполагаемом проскрипционном списке, циркулирующем

среди толпы депутатов «болота», прошу прощения: центра. Говорят, что он извлечен из самого секретного нагрудного кармана тирана, откуда молодой патриот украл его, рискуя жизнью. Так что теперь каждый может прочесть, когда ему собираться, чтобы подняться по лестнице и положить голову в небольшое отверстие...

Барер [*поворачивается и смотрит на него, Фуше улыбается, поддерживая остальных*]. И...

Вилат [*опускает глаза*]. Ну, мы только что слышали, что этот список... Твоя работа...

Барер [*чуть вздрагивает и застывает, пораженный. Долгое молчание*]. От кого...

Вилат [*не подымая глаз*]. От кого? От – него.

Можно услышать тяжелое дыхание Барера, полное страдания, пока Вилат, красный, как турок, не начинает смеяться. Трое других присоединяются к нему. Барер теряет дар речи от удивления.

Колло. Да, он всегда смеется последним...

Барер [*вне себя, но уже захвачен их весельем*]. Что за наглость! А я чуть не получил удар! [*Смеется с другими.*]

Фуше. Это сверхъестественно, как хорошо мы можем себя развлечь...

Внезапное, полное молчание.

Барер [*напряженно*]. В самом деле, Фуше, это нехорошо с твоей стороны. Среди всех страхов, которые мы теперь переживаем каждый день, нервного напряжения и постоянной опасности, ты лишаешь нас невинного отдыха, нескольких минут, дающих облегчение усталому сердцу.

Фуше. Я завидую твоим крепким нервам. Мои нервы сегодня отказали – после усиленной работы.

Барер. Сегодня?

Фуше. Не кажется ли вам, что именно этот день был невыносим? Во всем городе нет больше воздуха, пригодного для дыхания, и у я чувствую себя все время под наблюдением. Это неприятно.

Колло [*смеется*]. Ничего нового! Его шпионы следят за каждым из нас...

Фуше. Да. Разве это не действует на нервы?

Колло. Немного. В любом случае, за последние десять дней я ни разу не спал дома.

Барер. Как и я. И эти шпионы... ну, поначалу это было немного странно. Но вскоре я понял, как заметны мои тени. Сейчас я привык к ним. Но догадайтесь, кого я только что встретил.

Колло. Прошу тебя, что нам за дело до твоих любовных походов?

Барер [*смеется*]. Ах, вы не поняли! К сожалению, это не женщина.

Фуше [*к окну*]. Это не говорит нам ничего...

Вилат. Армейского поставщика? Банкира? Маклера?

Барер. Кого-то совсем другого.

Бийо. Можно ли найти еще кого-то *другого* в Париже?

Фуше [*вкрадчиво мурлычет*]. Конечно же, не... Сен-Жюста?

Смятение.

Вилат. Но он далеко!

Колло. Его нет в городе!

Барер [*взволнованный*]. Господи... Сен-Жюст со своими теориями бушует на Северном фронте, хвала и слава Небесам за это. Действительно, что нам сейчас нужно – так этот опасный зверь среди нас.

Нет, господа. Я имел честь сопровождать самую Верховную особу.

Фуше. А-а! Расскажи нам.

Бийо. Почему он бродит по городу, и так поздно ночью?

Колло. Что? Он уже решил выйти на улицу? Так явно?

Барер. Я хотел бы посмотреть, как можно выйти на улицу незаметно. Ваши предположения совершенно правильны. Встреча с ним увенчала мой «рабочий» день, исполненный самых ужасных неудач. Я просто уходил из Пале-Рояля...

Вилат. [*с состраданием*]. Тебе и там не повезло?

Все смеются.

Барер. Нет, я еще не пал так низко. И я должен сказать, что никто не может сравниться с этими парижскими шлюхами. И, несмотря на это, мои отношения с ними оставляют меня безразличным. Не знаю, почему.

Колло. Хм. Тебе нужны новые ощущения. Любовь не должна быть... однообразной. У нас есть высочайший пример перед глазами...

Бийо [*как будто не верит своим ушам*]. Что ты говоришь?

Барер [*улыбается*]. Ах, ты ревнуешь? Пустая трата времени, Бийо. Ты никогда не найдешь благосклонности в его глазах. Просто посмотри на себя в зеркало. Не даром природа создала одного единственного – Сен-Жюста...

Бийо [*почти с ужасом*]. Боже, как вы все убоги...

Барер [*смеется, не без дружелюбия*]. Почему? Именно эта причуда в его вкусе, она указывает на божественное происхождение. Просто подумай об Ахилле...

Фуше. А теперь скажи нам, что произошло.

Барер. Не так много можно рассказать. Мы столкнулись друг с другом на улице. Он пропустил меня: мне повезло, потому что он мчится со скоростью снаряда. Он извинился, признал и поприветствовал меня.

Колло. Он... приветствовал тебя... первым?

Барер. Да.

Бийо. Любезность достойная короля. О чем вы говорили...

Барер. Что за вопрос! О чем мы могли бы говорить, встретившись случайно, объединенные и одновременно разделенные столь многими жизненно важными вопросами? О погоде, театре и моде.

Бийо. У тебя не хватило мужества, чтобы удивить его важными, и потому неожиданными, вопросами? У тебя не будет другого шанса, чтобы разобраться в ситуации.

Барер. Попробуй *ты* удивить его. И я тогда не буду чувствовать, что ставлю под удар мою голову, которую, впрочем, должен потерять в любом случае. Мне очень легко схватить мигрень, имея *его* партнером по дипломатической беседе. Я только спросил, прежде чем мы расстались, как он себя чувствует. Он ненавидит эту тему, поэтому коротко ответил, что с ним ничего и не случилось. Он сказал, что с ним все хорошо, что он и не

был болен, и что он дал себе передышку не для того чтобы избавиться от усталости, а чтобы ее предотвратить.

Фуше. Это высокомерие в королевском стиле. Только великие могут быть *такими* стыдливými. Он становится таким, не так ли?

Барер. Что ты имеешь в виду?

Фуше. Я хотел бы разрушить спокойствие. В самом деле, окончательно и однозначно, он дал вам понять следующее: «Я оставил вас в покое на некоторое время, чтобы узнать, как далеко вы зайдете в своих заблуждениях. Теперь вы все в моих руках и не должны больше притворяться».

Колло. Что-то в этом есть.

Барер. Что за адские планы вы ему приписываете?

Фуше. Что за вопрос! В ситуации, в которой мы, с Божьей помощью, оказались втянуты, у него может быть только один план. Вы ослеплены и не видите, куда идете...

Вилат. У тебя не было искушения Барер, убить его, когда он издевался над тобой?

Барер. Вовсе нет... И он не издевался надо мной. А вам, друзья мои, не удастся возбудить во мне жажду убийства. У вас нет ни шанса.

Колло. Барер похож на тебя, Бийо: он лучше будет ожидать уничтожения, чем заставит себя действовать.

Барер. Вы совершенно правы, если вы имеете в виду предательский удар в спину. Кроме того, в этом не было бы никакого смысла. Этот человек уже сгорает от внутренней лихорадки.

Бийо. Он предназначен для смерти, и сам чувствует, что его конец – на расстоянии вытянутой руки. Что за жизнь должна быть у него: балансировать на канате над бездной!

Колло. Во всяком случае, ты можешь быть уверен, что твой конец ближе, чем его.

Барер. Хорошо, почему бы нет? Смерть потеряла острие своего жала, когда была перегружена гильотина. Трудно заставить сегодня хоть кого-то бояться смерти.

Фуше. Да, у нас был шанс обнаружить это некоторое время назад. Но именно поэтому, дети, опомнитесь! Оставьте этого сумасшедшего у власти еще несколько дней, и все будет действительно кончено

Во-первых, он убедится, что мы все исчезнем с лица земли, и он последует нашему примеру с легким и счастливым сердцем. А потом начнется карнавал. Дантонисты возведут на трон шлюху. Любители знаменитых куртизанок, заняв самые высокие места, будут предлагать себя и свою власть на продажу, без каких-либо угрызений совести. Все королевы Европы будут спешить поучаствовать в аукционе. И революция закончится, когда выжившие республиканцы продадут себя и руины государства тому, кто больше заплатит, цена будет умеренной, так как товар лежалый. [*Бийо не может сдержаться и издает стон.*] Он это знает, это именно то, чего он хочет. Полного разрушения...

Но теперь, думаю: вы должны принудить себя к действию, достаточно, чтобы мы пошевелили пальцами, и он упадет. Да, Бийо прав: он совершенно один и без оружия. И когда мы избавимся от этого кошмара, придет золотой век, образно, конечно. Подумайте, вслушайтесь в эту фразу: *можно будет жить.*

Колло. Можно жить... Действительно, чтобы иметь возможность ночевать дома, не быть начеку все время...

Барер. Ходить по улицам без бешеного биения сердца, не вздрагивать при каждом послышавшемся легком шуме.

Колло. Можно будет думать, что хочешь, хоть выкрикивать свои мысли. Не душить свою ненависть или гнев, как подавляешь боль, скрежеща зубами.

Вилат. Все – это ничего, главное – быть тем, кем ты хочешь быть!

Фуше. Но вы должны торопиться, потому что кто знает, может быть даже завтра он...

Барер. Фуше, ты начинаешь меня убеждать. Но мне сложно поверить в необходимость переворота; в конце концов, этот человек знает, что он делает, он может править, он рожден для этого. С такими великолепными талантами, у человека должна быть некая невозможная цель, безумная, ставящая под угрозу все.

Бийо. Талантами! Ты меряешь его по своей мерке. Ты просто не в состоянии распознать гения. Как ты считаешь, ты можешь узнать, что он намерен делать, если сам не можешь подняться до уровня его мыслей.

Барер. Да, я согласен, что он должен быть устранен, но вместе с ним рухнет едва ли не все, что, нравится нам это или нет, держится под его виртуозным руководством.

Фуше. Кто бы мог подумать, что у Барера такая чуткая совесть? Хотя оставьте ее в покое. Единственное, что распадется, это наша жалкая республика. Республика, за чье искусственное поддержание Франция сейчас платит горькую цену. И для того, чтобы вызвать к жизни нормальное правовое государство, у нас достаточно *талантов*, хорошо обученных, так что не надо опасаться за наше любимое отчество.

Барер. Это действительно странно. Видит бог, я не люблю этого человека. Я даже пытался возмутить против него центр с помощью фальшивого проскрипционного списка. Как и вы, я ощущаю себя затравленным зверем, и я не чувствую себя комфортно в своей шкуре. И все же я охотнее дал бы отрубить себе голову, чем присоединиться к наступлению. По крайней мере, пока оно проводится методами мсье Вилата.

Вилат. Могу я спросить, почему?

Барер. Вы, журналисты, опасны, как скорпионы. Я не могу преодолеть отвращение перед паразитами. [*Вилат бледнеет и вскакивает на ноги*] Хорошо, сохраняй спокойствие, не сердись. Мы должны держаться вместе и быть едины, потому что все наши головы могут упасть в один момент. Среди членов одной фракции нет необходимости обижаться на каждое маленькое недоразумение. И поэтому я могу с уверенностью сказать, Вилат: ты позор для нашей фракции...

Вилат [*сдавленным голосом*]. Что?..

Барер ...Прошу прощения, нашей клики. Ты заставляешь нас выглядеть смешными.

Колло. Это так просто – отказаться от единственно эффективного оружия из-за хорошего вкуса.

Бийо. Эффективного! Мне это нравится. Эти несчастные помои из раковины старой ведьмы – эффективное оружие?! Это абсолютный мусор, который может вызывать скорее жалость, чем насмешки.

Его презрение к нам должно быть чем-то просто болезненным в своей безнадежности. А потом вы удивляетесь, что он хочет искоренить таких сволочей, так что их позабудут навсегда.

Барер. Почему же тогда ты помог убрать Камилла, если у тебя такое невысокое мнение о журналистике?

Бийо. Ты притворяешься, что у тебя куриные мозги, как у женщины. Сарказм Камилла, острый, как сталь, был силой, с которой нельзя было не считаться. Его клевета была как отравленная стрела. Это был враг, которого нужно было остерегаться!

Барер. Ах, значит твои принципы не неизменны – если некое перо представляет интерес?

Бийо. Конечно, нет, пока оно достигает своей цели. Ты, Барер, не имеешь представления о характере боевых действий. Весь практический образ действий тебе странен. Ты принимаешь этикетку за вещество. Имя, пустой звук, является решающим для тебя. Названия определяют твоё отношение к вещам. Ум, подобный твоему, не может охватить все это, лишённое здравого смысла.

Для твоих развращённых нервов и жизнь, и смерть кажутся идиллией. Ты не чувствуешь страха смерти, твоё существование не имеет никакого значения. Тот порядочный человек, который, столкнувшись с противником, отказывается сделать первый выстрел, чтобы доказать свои хорошие манеры, был твоим кровным родичем. Такой поступок должен быть приравнен к массовому убийству. Его безупречные манеры стоили Франции половины армии и едва не лишили нас победы. Этот человек, хоть он и из благородных, должен был быть повешен. Правитель, который сейчас у нас есть, не решился бы на это. Когда борешься за что-то нужно спрятать личную честь и человеческие чувства в карман. Я презираю избитую писанину Вилата, потому что она ничего не стоит. Напротив, глупейшая, банальнейшая личная атака Камилла, означала для меня смертный приговор.

Колло. Это верно. Если наш могущественный лидер не утонет в крови, он не утонет и в грязных чернилах Вилата.

Фуше. И ещё одно. Вилат небогат. Откуда мы сможем узнать, от кого он будет получать своё жалование завтра?

Удивленное молчание

Вилат [*спокойно*]. Боже, почему вы все так заинтересованы, каким способом я зарабатываю себе на жизнь? Продажность свойственна человеку, это едва ли не самое здоровое явление сейчас во Франции, так как все остальные человеческие черты уничтожены. Это продажность

позволяет здравомыслящим вернуться к земной реальности, и поможет сохранить государство. Я твердо верю в это, поскольку продажность обеспечивает социальное равновесие.

Бийо [*слушает с растущим вниманием*]. Это так. [*Он вдруг опускается в кресло, разбитый и бледный, как труп. Присутствующие смотрят на него с беспокойством. Затем он поднимает голову и говорит, как о чем-то очевидном.*] Но это не должно быть так.

Барер. Что случилось, Бийо.

Колло. Что с тобой?

Бийо [*тихо, устало*]. Что со мной? Разве никто из вас не слышал остроумный афоризм, с которым этот писака к нам обратился? Или все-таки слышали? И вы спрашиваете, что со мной, когда я вынужден признать, что он прав?

Но нет. Францию не спасти *таким* способом. Скорее ее корабль должен пойти ко дну со всем экипажем. Даже этот великолепный тиран не смог поколебать эту бездушную нацию с ее «здравомыслящим равновесием». Вы так ленивы, так прогнили насквозь, что даже бодрящий поток революции не может привести вас к жизни. У вас хорошие манеры вместо морали, элегантность вместо страстей, продажность и жажда золота вместо инстинкта самосохранения.

Но нет. Я присоединюсь к его лагерю, против вашей гнилой банды и против природы. Я помогу ему поддержать на ногах его великую, мертвую Республику, вопреки законам этого мира, и вопреки вам. Я перетрясу оба Комитета и обновлю Комитет Безопасности, который подгнивает уже давно. А потом оба Комитета, наполненные его духом, будут иметь дело с вашей «человеческой природой». Оппозиция рухнет, когда я прекращу ее защищать, и мы положим конец во Франции «полезной связи с земной реальностью». Государство, несомненно, рухнет от использования слишком радикальных мер, но это, по крайней мере, избавит его от наших попыток его спасти.

Вилат [*серьезно*]. Фантазировать легко Бийо. Решительные меры прекрасны в теории. Но не забываем о территории «равнины» или «болота», где они проводятся. Я юрист и я знаю, как выглядит *этот* аспект. Бийо, теперешнее напряженное состояние не может длиться дольше. Об этом просто невозможно больше думать. В конечном счете и мы, Революционный Трибунал, который проводит теорию террора в практику, не выдерживаем больше. Среди нас есть и испорченные люди,

хотя меньше, чем в других местах. Остальные теряют силы и близки к безумию. Возьмите наш главный инструмент, Фукье-Тенвиля. Как прокурор он был безупречен – неподкупный, неутомимый, безошибочный в своем профессиональном суждении. Но что с ним произошло, когда был принят прерильский закон?! С ним случаются приступы ярости, кричит на обвиняемых, осуждает, не выслушав их, то смеется, то плачет, как старая дева, спивается, страдает галлюцинациями, сходит с ума. И все мы не лучше. Наши заседания растягиваются до бесконечности, но разве дня достаточно, чтобы допросить и приговорить сорок людей? Ошеломленные ужасом этой бессмыслицы, мы засыпаем. Мы не можем судить, и все же мы должны выносить приговор. Рано или поздно каждый понимает, что совершает массовые убийства. Вы жалуетесь на коррупцию, Бийо?! Что вы можете сказать о *той* коррупции, что разъедает самый орган правосудия, потому что по приказам сверху оно обязано нарушать природные права человека.

Мы завидуем нашим «жертвам». Если бы среди них были только эмигранты, спекулянты и фальшивомонетчики. Но мы знаем, что среди них есть и невинные люди: служащие, кормящие женщины, старики, нетвердо держащиеся на ногах. Обвиненные на основании неверно услышанного слова, глупой гримасы, они просто сидят в ужасе в зале суда, говорят да, нет, или вообще ничего не говорят. И их увозят на смерть. Тридцать человек в день, господи.

Мы больше не имеем мужества справляться с такой ужасной виной. Год назад, когда ставкой была свобода, мы приговорили бы наших собственных матерей. Сегодня мы совершаем убийства и чувствуем отвращение из-за нашей безнаказанности. Сотни обречены на смерть, потому что адвокат хочет сесть на императорский трон. Всеобщая, страшная ответственность лежит на нас, и у нас не осталось ничего. Ни любви, ни веры, чтобы противостоять этому давлению.

Вы называете меня свиньей. Потому что я придумываю пасквили против него. Я прошу, чтобы мне платили, потому что бедность затянула меня в грязь. Иначе я делал бы это бесплатно. Я не верю, что кто-то из вас, живущих теориями, ненавидит его так, как я. Вы правы. Я не могу оторвать себя от него. Я думаю о нем. Когда я бодрствую, и когда сплю – я грежу о нем. Я поклоняюсь ему. Я буквально молюсь на него. Я боюсь, что так и не смог избавиться от него. Его честность сводит меня с ума. Мне сложно найти в нем что-то уродливое. Только то, что я сам изобрел. Я хотел внушить ему страх – в конце концов, его болезненная нервозность хорошо известна. Так что я написал ему, да, вам будет приятно это знать,

анонимно, детски-любовное письмо со смертельными угрозами, изложенными в деталях... Я точно знал, что он не знает моего почерка. Так что на следующий день я был ошеломлен, когда встретил его, и он обратился ко мне с особым интересом, улыбаясь снисходительно, без следа обиды. Эта улыбка могла означать лишь ответ на мое письмо. Тогда я пошел и написал то, что лежит перед вами. Беспokoясь об отвратительных вещах, какие я мог придумать, я добавил аферы, совершенные дантонистами. Это стоит, по крайней мере, пятьдесят ливров.

Так что вы видите, я уравнивал мои действия по отношению к другим. Сначала я совершаю убийство, затем поношу человека, для которого я убил. Таким образом, я заставляю молчать мою совесть, которая сейчас довольно вяла от страха.

Барер. «Для которого я убил», – это выражение заменяет целые тома.

Бийо. Это я здесь должен быть мишенью. Тут виновен не тот человек, которого вы имеете в виду. Вы расточаете свою драгоценную лирику напрасно. Бойня прериальского закона – *наша* работа, милый молодой человек. Это было мое изобретение. Для того чтобы превратить людскую апатию в ярость. Это была глупейшая ошибка в моей жизни. Это именно я вырвал прериальский закон – его изобретение – из его рук, но я понял, увы, слишком поздно, как полезен он был.

Это было поистине магическое оружие, неизменно опасное, как инструмент Сатаны, дорого стоящее тем, кто им пользуется. В его руках все еще уникальное средство, которое могло бы спасти Республику, в моих руках оно сразу было извращено. Я запустил его, конечно, но другие – мои последователи – бросились применять этот инструмент, находя удовольствие в том, что могут привести этот полусломанный механизм в движение. Для того чтобы отрезать по тридцать голов в день без каких-либо усилий, нужно наполнить всех особым ощущением власти, которая легко не дается. [*Колло смертельно бледнеет.*] Я не пытаюсь оправдываться, но я действительно не знал, что я отнимаю у него. Борьба есть борьба, но его Республика была также сутью *моей* жизни; и все же я, я сам...

Понятно, что теперь он живет только для мести, что он незаметно направляет машину таким образом, что на данный момент она должна взорваться при одном касании. Я до сих пор сомневаюсь, стоит ли спасать от окончательного разорения это гнилое государство, землю короля-солнце и салонов.

Вилат [*пораженный*]. Бийо – Бийо – это действительно так?

Бийо. Спроси моих коллег. *Он* не сделал бы из вас массовых убийц. С помощью прерияльского закона он бы очистил Францию. Он бы восстановил общественное кровообращение. *Он* не стал бы развлекать себя идиотскими убийствами маленьких девочек, ворчащих стариков, безвредных землевладельцев, просто потому, что они используют приставку «де» перед своими фамилиями.

Фуше. Дело в том, чтобы опередить его и положить конец этой игре. Преобразований недостаточно, потому что теперь он не позволит вам прийти в чувство и избежать самоуничтожения.

Колло. Но в чем можно его обвинить? В Терроре? – Нет. В давлении? В продажности? Нет. Тогда в чем?

Фуше. В диктатуре.

Абсолютная тишина

Барер. Жиронда пыталась поставить на *эту* лошадку. С самого начала.

Вилат. И это завело их далеко – в могилу.

Фуше. Жиронда была Жирондой. Но мы должны на этот случай приготовить верный снаряд, который ударит Францию прямо между глаз, так, чтобы атаковать зверя с тыла.

Недолгое молчание

Бийо. Все верно. Она отступает, бросает его и затаптывает до смерти. Но что тогда. Фуше? Мне все равно, по какой причине ты хочешь его падения, но я не могу остаться в стороне и должен быть, по крайней мере, уверен, что падение будет выгодно для общества.

Фуше [*пожимает плечами*]. Ваши сомнения касаются слишком долгосрочной перспективы. Я в любом случае считаю преимуществом, если нация избежит анархии, иностранного вторжения и экономической катастрофы, последствия которых нельзя определить заранее.

Бийо. Избежит ли народ анархии, если он пожрет единственного правителя, способного справиться с ситуацией.

Фуше [*убежденно, с силой*]. Не один он. И ситуация изменится, призывая таланты другого рода.

Колло. Мы все уже определились, Бийо. Переворот необходим. Как мы это понимаем вот уже несколько месяцев.

Фуше. Возьмем такой пример: с одной стороны разрушенная страна, чье природное развитие было насильственно остановлено. Государство с безграничной способностью к экспансии, которому угрожает искусственно подготовленное поражение, в тот момент, когда достижения его армии превзошли все ожидания. Миллионы людей, которые ломаются сегодня под постоянной угрозой смерти, а завтра подвергнутся всем ужасам экономического кризиса. А с другой стороны, один человек, которого его личное отчаяние толкает в направлении самых бессмысленных преступлений; человек, который ввязался в борьбу против Бога и природы, и который, без всякой жалости, будет выполнять все, что подсказывает его лихорадочный мозг.

Барер. Можно восхищаться Нероном, но найдется ли кто-нибудь, кто готов помочь ему зажечь огонь для артистического эффекта.

Бийо [*устало*]. Нет, конечно же, не найдется. Ладно, ладно. Я буду с вами. Я помогу вам нанести ему смертельный удар. И все это моя вина – о, будь проклят, проклят этот прерияльский день.

Вилат [*с трудом*]. Но, господа, где-то здесь должна быть ужасная ошибка. Вы не можете серьезно полагать, что он... Фуше. Я рассматривал твои слова о диктаторских намерениях, как игру слов, элегантно, эффективное иносказание. А теперь я понимаю, что...

Просто рассудите: как *может* человек любить идею, как иные любят женщину? Это совсем иное чувство, гораздо сильнее, может быть, но что сказать о ревности. Убить республику, чтобы никто иной не мог ей овладеть! [*Внезапно раздражается шелестящим смехом.*] Проснитесь, ей-богу. Человек с таким пронизательным умом, почти пророческим в освоении реальности. То, что он должен... [*Он прерывает себя на полуслове, пораженный серьезностью их взглядов. Утомительно долго тянется минута, и вдруг он, как безумный, тычет пальцем в Фуше.*] Он вас обманывает! Он бесстыдно водит вас за нос с историей, годящейся только для яслей. Он даже не потрудился обосновать свою проклятую ложь! И вы попались на такую проклятую чушь! Как девчонки-служанки. На такую безумную глупость!!!

Фуше. Молодой человек, придерживайтесь ваших инструкций. Вам заплатили за то, чтобы подслушать наш разговор. Ваш взрыв не принесет вам ни гроша и может быть опасен.

Вилат [*ошеломленный*]. Ч...что?

Барер вскакивает на ноги, как и **Колло**, **Бийо** остается в своем кресле, внимательно наблюдая за молодым человеком, который, как пораженный ударом, двигается к краю стола и тяжело дышит.

Колло [*трясет его*]. Быстро – уходи. Не то я убью тебя.

Вилат. Оооо-о-о.

Роняет голову на стол и раздражается неистовыми рыданиями.

Барер. Боже, только этого нам не хватало.

Бийо [*задумчиво, Фуше*]. Откуда ты знал?

Фуше [*пожимая плечами*]. На что мне пять хорошо развитых чувств?

Бийо. Итак, ты лжешь. Ты смертельно оскорбил его. Я знаю такой вид плача, его нельзя понять неправильно. [*Кричит.*] Тихо!

Вилат [*овладевает собой*]. А... сп... спасибо.

Барер. Что мы будем с ним делать?

Бийо. Он всего лишь мальчишка. Бояться нечего.

Фуше. Мы не можем убить его или выкинуть вон, если мы сначала не вырвем ему язык. Мы должны, кнутом или пряником, привязать его к нам.

Вилат. Делайте, что хотите. Вы можете отправить меня на гильотину, это проще всего.

Барер. Чтобы ты мог разоблачить нас по пути с открытой двуколки. Нет, Вилат, у нас достаточно таких историй.

Вилат. Это правда. Я мог бы это сделать. О, какой я неисправимый осел! Хотел бы я знать, с чего я так расплакался.

Бийо. Потому что ты забавный мальчишка, который хотел бы сыграть зловещую личность. И как только кто-то делает вид, что обнаружил твою игру, ты бьешься в спазмах и кричишь о гильотине, потому что не можешь пережить такое оскорбление. Я хотел бы знать, сколько людей приложило руку к твоему образованию.

Вилат. Ты прав, к сожалению. Но ты не можешь отрицать, что я негодяй. Со школьных лет я чувствовал ужасный страх при некоторых

словах, например, шпионаж. Тем не менее, человек, знакомый, как я с голодом, не остановится ни перед чем, что может принести какие-то деньги. Для такого, как я, быть шпионом – почетная вещь, если только делать это не бесплатно. Поверьте мне, даже в невинном пятилетнем возрасте я плакал только когда попадался с поличным.

Колло. Ты очень хитер, но теперь слушай внимательно, если ты скажешь хоть слово, о том, что здесь услышал, с тобой покончено. Мне ничего не стоит раздавить такого червяка, как ты.

Вилат. Ты не должен был говорить это *мне*. Никто не знает лучше меня бесполезности таких действий. И все же я честен в своей бедности, и я не буду думать о риске, если за мой рассказ я смогу получить материальную поддержку. Я ничего так не боюсь, как пустого кармана. За две сотни луидоров я бы вытащил за хвост дьявола из ада.

Барер. Твои требования не чрезмерны. Я не скряга и ты можешь быть уверен, я конечно, лучше твоего... предыдущего работодателя.

Вилат [*смеется*]. Боже! Так вы верите в то, что я только что сказал.

Фуше. Ты будешь писать от нашего имени. Ты не совсем бесталанен.

Вилат [*страстно*]. Теперь – никогда больше. Не это! [*Молчание, он смеется, хотя несколько беспомощно.*] Конечно, с большим удовольствием! Но вся прибыль должна идти мне в карман, я должен каждый раз получать от вас мои тридцать серебряников, плюс значительные проценты.

Колло. Не будь таким бесстыдным, молодой человек, если ты не возражаешь.

Фуше. Но почему? Он прав, мы не можем ожидать, что он продаст своего хозяина за кусок хлеба с маслом.

Вилат. Кроме того, я должен переучиваться. Бийо, дайте мне урок в написании пасквилей.

Бийо [*тихо, вдумчиво*]. Ты должен атаковать его как великого государственного деятеля, а не как лавочника. Попробуй проследить за великим направлением его мышления. Этого будет достаточно, чтобы нарушить спокойный сон всех граждан по ночам. Ты должен громко трубить о его диктатуре, приписать ему самые кровавые намерения, пророчествовать о кровавых потрясениях в ближайшем будущем. Пугай

всех малодушных людей призраком аграрного закона. Переложите кучу всех отвратительных зверств, совершенных во Франции на его голову! В каждом выпуске газеты пусть слышится звук панихиды по свободе! Не жалею самой мрачной мелодрамы, но не нужно больше вашей мрачной непристойности!

Вилат [*сверкая глазами*]. Замечательно! Теперь вы увидите, как я поставлю его на колени!.. Десять луидоров за колонку господ.

Колло [*возмущенно*]. Что?!

Барер. Ну хорошо. Но более ни су. И никаких авансов.

Вилат. Ах, боже мой... Ну, возможно, они будут не нужны.

Бийо. А теперь, господа, мы должны согласиться, наконец, по плану. Если мы идем на бунт, мы должны сделать это решительно.

Колло. Было бы ошибкой с нашей стороны обсуждать это здесь. Четыре пары ушей снаружи могут услышать наши слова.

Фуше. Вы должны были подумать об этом раньше.

Вилат. Кроме того, вы знаете, что в любое время суток нас могут удивить ордером на наш арест. Здесь вы просто доставите себя в его руки. Или, может быть, вы считаете этот храм свободы предоставляет убежище для издателей законов? И те, кто являются привилегированными, нигде не могут избежать закона.

Барер. Тогда, пожалуйста, будь так добр, назови место, где пятеро лидеров партии могут скрыться хотя бы раз? Не существует такого места, мой мальчик. Будет все равно, если ордер на арест найдет нас здесь или в публичном доме, разве что последнее место будет выглядеть более живописно для потомков, чем это. Он сидит в засаде, там, в своей мансарде, и наблюдает за всеми уголками и закоулками города.

Колло. Он, должно быть, имеет легион информаторов на жаловании.

Вилат. У него есть целый список граждан для этой цели. Интересно, где он их находит?

Бийо. Это его тайна, как и многие другие, и секрет в его удивительном полицейском управлении внизу, которое только что разослало ночной патруль. Я не знаю наверняка, но я почти верю, что эти молодые люди работают за копейки, или, скорее, за один взгляд от него ...

Вилат. Вот что я называю популярностью!

Барер. Я называю это практикой обольщения. Он так прост, и все же атмосфера вокруг него насыщается эротизмом. Его присутствие, даже не на близком расстоянии, кружит головы мальчикам, у них перехватывает дыхание. Они двигаются, куда он их манит, его жесты на то и рассчитаны. В этих незрелых существах растет напряжение, взрывная сила, причины которой они не понимают. Большинство из них с радостью готовы умереть за него – или из-за него.

Колло. То же самое с женщинами. И это бессильной слабак!

Фуше. Слабак! Твоей щеке все еще больно, Колло?

*К удивлению непосвященных, **Бийо**, и **Барер** взрываются неконтролируемым смехом.*

Бийо [*успокоившись*]. Мы не застрахованы от его влияния. Дело в том, что в нашем случае сила притяжения превратилась в отвращение, но даже это превращение произошло не без оговорок.

*Мельком выразительно смотрит на **Барера**.*

Еще одно доказательство того, что он исключительный человек, с магнетической, притягательной силой. Вы можете назвать ее эротической, но в действительности дело гораздо глубже. Давайте остановимся на этом, и выберемся отсюда. Он может появиться здесь собственной персоной.

***Барер** и **Колло** поднимаются с места.*

Фуше. Мы должны еще подождать Тальена и Барраса, который обещал мне приют на ночь. Я тоже не хотел бы оставаться на ночь там, где меня могут легко найти. Я думаю, что Баррас тем временем позаботится о Тальене.

Вилат. Тальен сейчас и днем тоже прячется?

Фуше. Дай Бог, чтобы он это сделал. Он совсем сошел с ума от лихорадки, и я боюсь, что он может сделать что-то очень глупое. Поэтому я просил Барраса держать его подальше от Конвента.

Барер. Что он хочет?

Фуше. Его возлюбленная находится в тюрьме, и хотела бы выйти. С этой целью она уже дважды просила его свергнуть правительство, но каждый раз он забывал это сделать! Так она написала ему письмо и

сказала, что с радостью умерла бы, и что сожалеет только об одном: что она любила такого жалкого труса.

Бийо [*несколько горько*]. Ну, она играет нам на руку...

Вилат [*нервно*]. Внимание!...

Они вслушиваются, все, кроме возмущенного Бийо

Тальен [*входит, расслабленный, его глаза лихорадочно сияют, щеки горят*]. Добрый вечер. Заговорщики все тут?

Фуше. Куда ты дел Барраса?

Тальен. Его *еще* нет? Тогда мы должны подождать. Это плохо!

Фуше. Ты прав. Это место небезопасно...

Тальен [*стоит, прислонившись к столу*]. Более безопасного нет.

Бийо. Когда ты предпримешь атаку?

Тальен [*быстро оборачивается*]. Что ты под этим подразумеваешь?

Бийо. Что я имею в виду?!... только то... что самоочевидно, Тальен.

Барер. Ты выглядел настолько угрожающе, и у нас создалось впечатление...

Тальен. Так и держи его при себе.

Тишина. Тальен слегка постукивает по полу носком ботинка.

Фуше. Это место глухо, ты можешь с уверенностью высказать, что у тебя на уме.

Тальен [*резко*]. Я не хочу.

Молчание.

Фуше. Это очень плохо, Тальен, потому что ты не можешь добиться успеха в одиночку. [*Тальен смотрит на него через плечо, пожимает плечами и молчит.*] Ты был в Конvente сегодня?

Тальен [*через некоторое время слабо*]. Нет, не думаю.

Вилат. Ты так не думаешь?

Тальен. Моя память путается – из-за лихорадки.

Барер. Приятное состояние – при данных обстоятельствах.

Они украдкой улыбаются, Тальен съезживается, оскорбленный, бледный от ярости, но только на несколько секунд.

Фуше. По правде говоря, жизнь – только неприятный сон, так зачем пытаться ее вспоминать?

Вилат. В другом мире, пожалуй. Но по эту сторону Леты есть только суровая реальность.

Бийо. Итак. Тальен, когда ты нападаешь?

Тальен [*поворачивается нетерпеливо*]. Что вы в самом деле от меня хотите? Я болен, это правда, но я еще не сошел с ума. Вы радуетесь, что я стану посмешищем для вашего увеселения. Я не собираюсь нападать сам по себе, как сумасшедший. Меня бы тогда просто линчевали на ближайшем фонарном столбе.

Фуше [*серьезно*]. Но этого не будет, Тальен. Ты *должен* сделать что-нибудь.

Тальен [*разгневанный*]. Хотя бы оставьте меня в покое, ведь никто не хочет мне помочь.

Колло, Фуше, Барер. Ты в этом уверен? Почему ты так думаешь?

Молчание.

Тальен [*переменяясь*]. Я имел в виду конкретную помощь, уважаемые господа. Я рассмотрел ситуацию всесторонне, я знаю ее с точностью. Но даже так все будет невероятно трудно. Мы сделали все что могли, чтобы вырвать злодея из сердца простых людей. Все безрезультатно. Массы не отказываются от него, я этого не понимаю. И даже «болото» настолько запугано, что мы должны отказаться от надежды на их сотрудничество.

Барер. Согласен. Да, Болото! Ты знаешь мой проскрипционный список, Тальен? Я заметил впечатление, которое он произвел. Идиоты ясно видели свои имена, написанные там. Каждый из них, без исключения, попался на это, но только закатывает глаза и ждет, чтобы за ним пришла полиция.

Фуше. Я боюсь, Барер, ты сам действительно в него поверил. Кто знает, если подлинный, ненаписанный список немного превосходит твой в числе имен...

Ибо повторяю: он начнет удалять нас от власти. Это бесспорно. Иначе зачем бы он оставил нас так долго отвечать за состояние дел в стране, как не для того, чтобы мы показали и подтвердили нашу некомпетентность?

Тальен. Одно небо знает, что за злодейские ходы были разработаны и решены в его отсутствие.

Барер [*пожимает плечами*]. Помимо прочего, он болен от переутомления.

Бийо. Несомненно. Тем не менее, ты знаешь его достаточно долго, чтобы понять, как он сохраняет свою силу. Как будто усталость почти не может его коснуться. Он машина – но и нечто более надежное, более прочное. Вы хорошо знаете, что у него должны быть очень серьезные основания для отсутствия. Он не шевельнет пальцем, пока мы здесь кричим от гнева и беспомощности, и в своем страхе пожираем друг друга. Он не оставил этой комнаты навсегда или надолго. Нет.

Барер. Странно, что он даже не боится последствий нашего страха.

Бийо. Он оставил нам средства, которые не представляют риска для него. [*Смотрит искоса на Тальена.*] Он доводит ситуацию до предела и оставляет вопрос открытым, пока не сочтет, что в этом больше нет необходимости. Анархия, массовые казни, внутренний распад в Конvente, мифический страх, которому мы предаемся, и нервное напряжение – это его инструменты. Только человек крупного калибра может использовать такие инструменты, которые могут разрушить любую нацию. Он готовит настоящий взрыв, и вы хотите, чтобы мы противостояли его громовому раскату слабыми полумерами.

Колло. И мы говорим, говорим, говорим...

Тальен. Кажется, вы хотите использовать меня в качестве оружия, может быть, потому что я самый молодой среди вас и могу проявить более всего энергии. К несчастью, я все еще могу думать.

Открытое объявление войны было бы ошибкой. За ним люди, солдаты, клубы, города, коммуны, пригороды, выборные органы, милиция, пресса, деморализованный Конвент, **и** двадцать тысяч якобинских отделений, через которые он правит Францией, как ни один король до него. С другой стороны, у нас есть остатки тех, кого он уничтожил в своем победном шествии: трясущиеся уроды, экс-дворяне, экс-жирондисты,

бывшие умеренные – и мир финансов, терроризированный его пресловутой рыцарской добродетелью. Каковы шансы?

Бийо. Ты забыл о двух Комитетах, нервных центрах революции. Они принадлежат мне, а не ему.

Тальен. Даже если бы это было так! Но чего вы добились за время этой важной паузы, когда он не водил вас за нос?

Общественное мнение должно избавиться от его влияния. Это единственный путь, который дает некоторую надежду. Нам нужен народ, да, народ! Мы должны говорить, и слишком много! Пропаганда! Истории с ключами! Противодействие каждому пункту! Армию агентов, уличных ораторов, клоунов, и крикунов – нам нужно все это, Колло! Пока по крайней мере половина Парижа не освободится от власти его предложений и не обратится против него, вряд ли можно говорить о его свержении.

Бийо. Диктатор обрел в тебе, Тальен, верного друга. Вы можете рассчитывать на его полную благодарность, потому что вы даете ему, то в чем он нуждается больше всего: время.

Тальен. Разве ты не видишь, что любая попытка восстать, была бы в нашей ситуации бессмысленным самоубийством.

Фуше. Армия агентов и клоунов действительно могла бы нам очень помочь.

Тальен [*смеется*]. Ах да! Я понимаю, наконец, что вы хотите от меня. К сожалению, я должен разочаровать вас, я ценю себя слишком высоко, чтобы прибегать к убийству.

Барер [*скучно*]. Это означает, дама была права.

Тальен [*почти угрожающе*]. Что ты имеешь в виду?

Барер [*как ранее*]. Я всегда слышал, что она ценила твою мудрость, твою проницательность... твои таланты оратора... твою осторожность...

Тальен [*задыхаясь, теряет самоконтроль*]. Яснее, если вам будет угодно...

Колло. Пожалуйста, возьми себя в руки, Тальен. Если мы хотим что-то сделать.

Барер. Восемь тележек прошло сегодня.

Колло. Еще немного, и туда отправится твоя подруга, Тальен. Прокурору не нужно ждать пока та половина Парижа, что против нее, исправится...

Тальен [*берет себя в руки, неуверенно овладевая собой*]. Да, она! Я ее вытащу! [*Все улыбаются, за исключением **Бийо**, который остается в стороне и постукивает пальцами по столешнице.*] Хотел бы я знать, на что представитель народа действительно годен, если его влияние не стоит жизни одной женщины. Если я не могу освободить ее сам, я буду требовать, чтобы соответствующий указ был издан. Она будет освобождена, с этим не будет никаких проблем.

Фуше. Не будь ребенком, Тальен. Даже этот молодой профан улыбается из жалости над совершенно невероятной комедией, которую ты играешь.

Барер. Друг, Консьержери подобна смерти. Многие дороги ведут к ней, но ни одна не ведет обратно в наш мир. Даже смерть иногда позволяет своим жертвам бежать – это называется летаргией. Но нет никакой летаргии в Консьержери. И смерть, к которой она приводит людей, всегда истина.

Суд работает сейчас с нечеловеческой скоростью. Послезавтра вы можете нанять окно перед оградой эшафота. По крайней мере, она не будет совсем одна, когда ее привяжут к деревянной доске.

Вилат. Это так трогательно, когда пара влюбленных прощаются друг с другом на первой ступеньке лестницы.

Тальен [*дикое*]. Почему вы болтаете об этом?

Вилат. Чтобы пробудить в тебе мужчину, если он вообще есть.

Тальен [*смеется*]. Мужчину во мне! А что вы хотите от него, а? Что я должен делать? Стоять на голове? Заколоть дуумвиров? Если я это сделаю, остановлю ли я даже на четверть часа революционный трибунал, который сумасшедший автомат подтолкнул к грани безумия?

Если Тюильри, с его адом, может провалиться сквозь землю, дай бог! Да, даже Высочайший может отправиться в ад, и весь Париж может превратиться в камень от страха. Но что бы ни случилось, революционный трибунал останется равнодушным; революционный трибунал ни на одну секунду не прекратит вынесение смертных приговоров. Революционный трибунал будет продолжать свою деятельность неумолимо, до тех пор, пока хоть один подозреваемый еще будет дышать во Франции...

Пусть суд сотрет в порошок и Терезу тоже. Она украла мою жизнь, это будет только справедливо, если то же сейчас произойдет с ней. Она причинила мне достаточно боли, вполне достаточно и она подарила мне достаточно своей любви, которая превращает человека в инструмент похоти. Сначала она заставила меня ненавидеть свое собственное существование, когда я не мог назвать ни малейшей части себя своей собственностью.

Теперь она ждет от меня, чтобы я пошел и сверг правительство, разнес Конвент, снес революционный трибунал с лица земли, единственно для ее спасения от последствий ее же идиотского безрассудства. Разве я просил ее следовать за мной в Париж? Но такова была ее прихоть. А я – тот, кто нес ее к «счастливному концу» по трупам могучих, по руинам наций. Если я не преуспел, мой дух не должен желать пережить ее несчастья. В конце концов, она одарила меня своей благосклонностью. Но я не собираюсь сходить с ума, чтоб только доказать, что у меня хорошие манеры. Пусть она ненавидит меня так сильно, как ей того хочется.

Барер. К сожалению, это не так. Она не ненавидит тебя, она тебя презирает. И это гораздо более неприятно.

Тальен [*красный от стыда*]. И черт с ней! Мне это неинтересно. Как будто я не презираю *ее* всем сердцем!

Барер. Это другое. Человек должен презирать женщину, иначе он будет иметь с ней только детей, а не удовольствие. Женщина должна дрожать перед обладателем грубой силы, как перед похитителем, она должна чувствовать свою зависимость от него, как домашнее животное от своего хозяина, не зная заранее, будет он ласкать ее, или бить, и почему он ласкает ее, или почему мучает. Это не уважение, конечно, но страх Божий. Без этого ничего не выйдет. Ты всегда должен играть роль, быть непредсказуемым зверем, следующим своим инстинктам, всегда быть готов к вспышке ревности. Ты должен быть ревнив до смерти и спасти ее по этой причине, а не потому, что нуждаешься в ней! Проблеск страха или мгновенное колебание – и все потеряно! Шлюха простит своему сутенеру даже трусость – но не когда шлюха яростно борется за свое существование, как заяц или дикая кошка. Она не знатная дама, она предмет роскоши, дрессированное животное, обученное некоторым трюкам и лишённая всего человеческого. Она никогда не простит, если мужчина забудется и покажет себя в истинном свете.

Тальен [*внимательно слушает*]. Да, ты прав. Теперь, когда мне все стало ясно, я даже рад, что она, как и многие другие, должна принести в жертву свою голову, должно быть обиженную и полную ветра.

Барер [*сперва удивленный*]. Ну, будь я проклят. [*Смеется.*]

Бийо. Неприкосновенный, должно быть, действительно хитрый мудрец, если при самом звуке его имени, каждое героическое сердце опускается в низкие глубины трусости.

Собирайтесь вместе, составляйте заговоры, проводите ночи в катакомбах. Как только он достаточно устанет от ваших трепыханий, ему достаточно будет произнести три предложения в Конvente. Даже не так. Против дантонистов он не соизволил выступить при всех. Через четверть часа вы будете находиться под замком, и через три дня – самое позднее – в братской могиле. До поры он показывает лишь улыбающееся терпение на извержение вашей расщепляющей ненависти, пропускает мимо ушей проклятия, которые вы произносите стуча зубами.

Избегай мигрени, Барер, она только раздражает. Потомство высоко оценит твое мужественное спокойствие в самый разгар бури. А ты, Тальен, свергай узурпатора, но делай это очень медленно и осторожно, чтобы не потерять какие-либо преимущества. На следующий день, послезавтра, ты сможешь сопровождать даму своего сердца.

Если мы не пойдем ва-банк прямо сейчас, Франция будет не только уничтожена, но и через короткое время, как только этот несчастный гений исчезнет, будет унижена. Для вас всех, конечно, это не имеет значения, но подумайте только о собственном спасении, воскресении на свой собственный вкус – достаточное удовлетворение за все ваши муки, и все это ценой одного усилия – да, одного! Нам нужно лишь раздавить эту одинокую мощь, раздавить это беспримерное мужество и горячую волю явным численным превосходством. Здесь лишь гипноз – и ничего кроме – никакой поддержки, никакой точки сопротивления, ничего, только один человек и одна пара глаз против природы и времени.

Тальен. Но ты веришь, что террор прекратится?

Бийо. Трудно сказать. Хаос, который возобладает, будет за гранью воображения. Нет, террор не уменьшится сразу, потому что он слишком удобен. Но деньги и влияние правильных людей вернут свою значимость. А ты богат, Тальен, а потому богата и твоя подруга.

Тальен [*с юношеским воодушевлением*]. У вас уже есть план? [*Тишина.*] Я сделаю все, что смогу. Я могу даже заколоть его до смерти, если не остается ничего другого.

Бийо расхохотался.

Колло. Ну, мы должны подождать пока он появится снова. И в то же время приступить к работе с Конвентом.

Барер. А жесткие меры действительно необходимы? Может быть, достаточно выставить его на посмешище? Он вернется тогда в Аррас и спрячется в самом темном углу своего дома. Навсегда.

Вилат. Многие пытались это сделать. Париж хорошо развлекся – за их счет.

Колло. Он в самом деле почти невосприимчив к атаке. Фуше сам признает, что у этого человека только одно слабое место, и они так часто пытались задеть его там...

Фуше. Господа, вы знаете, какое сегодня число?

Короткая пауза.

Вилат. Седьмое термидора. Что?...

Колло вскакивает со стула; Барер опускается на стул и начинает медленно подсчитывать дни; Тальен цепляется в стол, заглушая крик ужаса; Бийо, сперва сбитый с толку, вспоминает и кивает головой;

Вилат в свою очередь смотрит на всех с удивлением.

Бийо. Да, крайний срок. Это ясно.

Барер. Завтра! Боже мой!

Вилат. Что случилось? Что будет завтра?

Колло. Он уже вернулся?

Фуше. Кто?

Колло, Барер. Сен-Жюст.

Бийо. Наверное, или приедет в течение нескольких часов.

Вилат [*пораженный*]. Сен-Жюст!

Колло. Тогда мы пропали. Мы совсем не готовы.

Барер. Может быть, доклад будет отложен. Мы не слышали о нем ни слова.

Бийо. Конечно, нет. Но Сен-Жюст никогда не пропустит срок.

Барер. Тогда мы пропали. Конвент, застигнутый врасплох, не будет и мечтать о сопротивлении, но издаст указ о своем смертном приговоре с рабскими аплодисментами.

Тальен [*воодушевленно*]. Нет, друзья мои. Сегодня преступник будет предан смерти. Моя глупая Тереза не станет жертвой этого сумасшедшего у власти.

Вилат. Что случится завтра?

Фуше. Доклад Сен-Жюста объявлен шесть недель назад, и твоя невинная Тереза будет свободна, Тальен, без того чтобы ты стал палачом героев за ее счет.

Вилат [*про себя*]. Палач героев...

Фуше. Кроме того, мы можем обойтись без Конвента.

Барер. Интересно, как?

Фуше. То есть, без его активного участия. Мы намерены *использовать* Конвент, как массу. Подготовка нашей стороны – излишня. Мы в ней больше не нуждаемся. Дуумвиры едва ли смогут набрать десяток стойких друзей среди семисот.

Барер. Так что, в конце концов – это обвинение в диктатуре? Фуше, это пустая трата времени.

Бийо. Не совсем. Я начинаю понимать. Чтобы вцепиться кому-то в горло, надо иметь *реальную* основу для атаки. Иные предлоги обречены на провал. Обвинение в мнимых преступлениях только ослабляют атаку и наносят вред нападающим. В этом случае *только* это остается: реальная тирания, которая известна всем. Но надо знать, как это использовать. Никто не преуспел в этом до сих пор.

Колло. Да, ты прав. Со времен Луве, каждый придирался к пустякам, к несущественным признакам, словам, вырванным из контекста.

Вилат. Каждый возмущался тем, что вредило его тщеславию *и только*. Естественно, массы оставались равнодушны ко всему.

Фуше. Он *вряд ли* сможет противостоять хорошо организованной атаке против его деспотической тенденции. Но Париж – как женщина, а он

ее хозяин. Город, доведенный до крайности, способен сделать его императором, уничтожив революцию, жертвывая собой и нами, чтобы спасти его. Давайте не будем забывать – наша эпоха управляется импульсами. Нет смысла сегодня апеллировать к здравому смыслу масс. Давайте обратимся к их страсти, поднимем их инстинкты, и *тогда* – успех бесспорен.

Барер. Это означает пропаганду.

Тальен. Это означает недели задержек, тактик, пустяков, а террор продолжает бушевать, как прежде. Опасливые, запутанные заговоры, болтовня с тысячью противоречивых смыслов – и ни *одного* человека со смелым сердцем! Дипломатия там, где необходим кинжал! Нет, я не отступлю во второй раз. Я доверюсь моему охотничьему ножу, и уничтожу монстра; но вы... [*Хочет уйти.*]

Фуше. Э, подожди минуту. *Наемный* кинжал не остановит Революционный трибунал, ты это знаешь. Его физическим уничтожением ты обеспечишь ему бессмертие.

Тальен [*шокированный*]. Нет... [*Опять воспаляясь.*] Как я могу верить тебе! *Тебе!*.. Когда моя девочка умоляет о помощи. Что за человек способен судить этого ребенка, угрожая этой маленькой черноволосой головке смертью, кто кроме чудовища может противостоять чарам этих глаз? Должно ли составить заговор против гориллы, которая отнимает у тебя любимого ребенка? И впрямь, вы оказываете этому зловещему зверю слишком много чести. Он не достоин моего кинжала. Но Тереза не должна ждать в тюрьме пока я притащу его на виселицу.

Бежит к двери.

Фуше. Остановите его. [*Вилат и Колло хватают бушующего Тальена за обе руки.*] Теперь слушайте. Существует только один способ, чтобы напасть на него в Конvente. С быстротой молнии. Со всех сторон сразу. Мы позволим ему выступить, чтобы высказать свои намерения. Мы подождем, пока опасения, вызванные его речью, превратятся в страх и щелканье зубов. Последует убийственный прыжок Тальена. При этой вспышке молчаливый ужас других должен взорваться. Ваш гнев будет подлинным, так что это будет роковое оружие. Он оглушит его на несколько секунд, и мы овладеем ситуацией. Он больше не возьмет вверх. Один за другим, мы будем вспрыгивать на трибуну и выкрикивать его преступления. Эти выпады должны создать адский шум, и Болото и галереи придут в ярость. Мы не позволим ему произнести ни слова или позвать на помощь. Мы не дадим никому прийти в себя. Никаких речей –

только рев. Мы должны вызвать состояние экстаза: экстаза, ненависти и жажды смерти. Крайне важно получить простое, смертельное обвинительное заключение, принятое за полчаса. Он будет доставлен в Консьержери прежде, чем успеет произнести два слова. Двое других пойдут с ним. Пару часов спустя, во второй половине дня, слушания, а затем, вечером [*многозначительно затягивает галстук на шее*]. Топор должен расцезать его шейные позвонки, прежде чем Париж оправится и действительно поймет, что произошло.

Глубокое молчание. Присутствующие в удивлении и благоговении.

Барер [*почти умоляюще*]. Послушайте, это не совсем правильно.

Колло. Но будет ли правильно, если нас всех сбросят в яму с известью?

Вилат. За последние несколько дней они вырыли новую, в Монсо. Таковую же большую, как Марсово поле.

Тальен, способный думать только о Терезе, громко стонет.

Колло [*задумчиво*]. Для нас.

Бийо. Да, действительно. Они бросят нас туда, это точно. Потому что, мой дорогой Фуше, окровавленная голова лидера, которому поклоняется народ, не тот подарок, чтобы выиграть благосклонность этих людей. Или ты нашел способ, как обходиться с представителями этой благосклонности *сегодня*?

Фуше. Еще не сегодня, я думаю. Но, мой друг, этот человек уже стал чужим для масс. Сейчас они сыты и больше не питают к нему страсти [*Бийо смеется*] и не имеют никаких идеалов за исключением буржуазного порядка. Отсюда до ненависти – один шаг. Нам будет несложно сделать эту ненависть открытой, если его неусыпный глаз не стоит между нами и *нашими* усилиями повлиять на общественное мнение. Сейчас люди сыты, и из-за этого стали трусами, они теряют чувство реальности. Слова становятся более важными, чем дела, и это словам поклоняются и их осуждают. В 92-м свобода была чем-то нематериальным, чего люди хотели и за что боролись. Сегодня это лишь слово с двумя четко акцентированными слогами, в честь которого можно устроить праздник или побаловать себя негодованием. Диктатура, господа, тоже красивое слово, оно создаст прелестную смесь ненависти и неограниченной жестокости. Поверьте мне, толпа никогда не откажется от этих двух источников удовольствия, даже если ей бросят ее собственного идола.

Вилат. И даже один из ста не знает, что такое диктатура.

Фуше. Почему же нет? Каждый ребенок знает, что это такое, глупая посудомойка знает, что это такое. Диктатура означает для них возможность жестокого поведения и жестокого обращения одного со всеми. Диктатор или тиран, это тот, кого везут в тележке на смерть, и кто подвергается жестокому обращению в пути. Разве это не четкие определения? Вы можете быть уверены, господа, отрезанная голова героя – неправильный подарок для масс. Но его живое страдающее тело со связанными руками брошенное на их милость – по приговору нации, на двухчасовую поездку и на момент впечатляющей смерти – это подарок, за который можно получить звание отца нации.

Бийо [*потрясенный*]. Да, но безумие должно пройти. Зверь в человеке живет недолго. Подумай только: днем они будут рвать его на куски, а вечером поймут, кого порвали. Что тогда?

Фуше. Тогда, мой друг, мы снова будем говорить о диктатуре. Это магическая формула, более мощная, чем ты думаешь. Даже когда его тело, корчившееся от боли, будет гнить в могиле, его имя по-прежнему будет подвергаться жестокому поношению. Остается память о человеке. До тех пор, пока он, к радости зверя в нас, останется тенью, любой готов будет переусердствовать, чтобы стать Брутом для этой тени.

Бийо [*вздыхает*]. И можно понять, почему они – контрреволюционеры...

Вилат [*дрожя*]. Тальен! Тальен! [*Последний очень медленно поворачивается в его сторону.*] Тальен, убей его!

Смятение.

Фуше. Не выпускайте Тальена из виду. Народ никогда не простит нам смерти своего героя, если мы посмеем лишить его пары часов развлечения. Только они имеют право наслаждаться мучительной смертью тех, кто посвятил себя служению им.

Вилат всхлипывает.

Барер [*трепеща*]. О, стойте... стойте, или... [*Он сдерживает рыдание, и в последний момент спасает себя взрывом громкого смеха.*] Боже мой, какими нервными развалинами все мы стали!

Фуше. Да, я вижу, что крайний срок послезавтра. Он сошлется на Сен-Жюста в своей речи. Это ясно. Мы не начнем наше выступление

прежде, чем болото будет перепугано. Я ухожу. Возможно, один из этих двоих придет сюда. Если так, он не должен меня здесь найти.

*Все, кроме **Бийо**, вскакивают на ноги.*

Не оставляйте Тальена одного ни на минуту!

Тальен [*ожив, наконец*]. Не беспокойтесь, я не хочу облегчить смерть этому монстру. [**Вилат** рыдает, **Тальен** поворачивается к нему, дрожа от ярости.] Побереги свои слезы до часа, когда мы похороним эту собаку.

Фуше уходит.

Барер. Ради бога, пойдите. Что если он решит прежде арестовать нас всех?

Колло [*собирает свои бумаги*]. Очень вероятно. Тогда для него в Конvente все было бы намного легче.

Бийо. Невозможно. Он не будет ничего предпринимать без согласия Комитета. И уж тем более сейчас, когда он на самом деле мог бы это сделать.

Вилат [*теперь спокойно*]. Я должен сказать, что я вам завидую. Вы все против него одного. Вы увидите, как Неприкосновенный шатается и падает, вам придется выдержать его взгляд. Ах, почему я не депутат?

Бийо. Заткнись, Вилат. Мне плохо от твоей болтовни.

Барер. А теперь главный вопрос. Что лучше всего подходит в качестве слабительного: масса, как предлагает Фуше, или... Физическое лицо [*слегка кивает в сторону **Вилата***].

Вилат [*все смотрят на него*]. Вы не рассердили меня. Среди людей с общей целью никто не должен обижаться ни на что. В конце концов все мы люди.

Колло. Ха-ха. Неплохо.

Барер. Тише.

Мертвая тишина.

Вилат. Ах! Ордер на арест. И для меня тоже!

Колло бросает на него сердитый взгляд.

Барер. Братья, мы должны вести себя, как мужчины.

Бийо [*без страха, громко*]. Никто не идет.

Колло. И все же...

Барер [*громко*]. Никто. Он прав.

Тальен [*вздыхает с облегчением*]. Слава богу. Моя жизнь сегодня имеет большое значение.

Бийо. В самом деле. Ах, если бы ты был немного старше!

Барер. Тогда он не был бы сумасшедшим. Вот что самое ценное в нем.

Быстрые тихие шаги. Две секунды абсолютной тишины.

Действие второе

Сен-Жюст входит медленно, беззвучно. Эффект удара молнии.

Он тщательно закрывает дверь, с математической точностью разворачивается и идет к столу. Видно как к остальным постепенно возвращают самообладание.

Вилат [бросает взгляд в направлении, где ранее лежал его памфлет; говорит очень мягко]. Приятного аппетита.

Бийо натянуто кивает головой входящему *Сен-Жюсту*, затем осторожно смотрит на него. **Барер** делает к нему несколько шагов. **Колло** и **Тальен** как будто вросли в землю. **Вилат**, немного позади них, выдавливает из себя дружественную улыбку. Никто ничего не говорит из страха сделать неловкое замечание.

Сен-Жюст отвечает на тихие приветствия легким поклоном, его бледное лицо непроницаемо. В левой руке он держит плащ. Кладет его на первый стул, на который случайно натывается, а сам садится в кресло председателя.

Он необыкновенно красив, у него обаятельная, но и глубоко отталкивающая, почти идеальная внешность. Сейчас всепоглощающая усталость заставила потускнеть яркое впечатление, которое он производит. Он кажется более доступным, чем обычно и для некоторых почти симпатичным. В этот день он пережил сильные потрясения и знает, что еще большие ждут его впереди. Но в душе его царит абсолютное спокойствие. Веки моргают и опускаются помимо его воли. В темной глубине своего сознания он торгуется с богами: «Час сна – я отдам за него годы своей будущей жизни». – Но боги смеются. – «Годы? **Годы?! Ты думаешь, твои силы неисчерпаемы? Ты покупаешь нечто слишком ценное за эти годы».** Среди врагов, окруженный огнем их ненависти, он слишком горд, чтобы пытаться избавиться от желания спать. Осознание того, кто его окружает проявляется в приятном, многообещающем покалывании в кончиках его пальцев. Он отличается от других каждой деталью своей одежды. Черный костюм для верховой езды, сейчас пыльный, но видно, что с утра он был свежим и отутюженным, высокие сапоги, покрытые грязью, на небрежно скрещенных ногах, слишком длинные черные волосы, не напудренные сегодня, глубокие, черные, как грозовое небо, глаза, черная щетина на

бледном лице архангела, вызывающе белый лоб, руки тщательно защищены от дневной пыли парой перчаток... Кисти его рук (мужественные, но слишком тонкие, резко сужающиеся), постукивают по столу, пробегают по его поверхности, прижимаются к жестким доскам, ногти подцепляют заусенцы; когда он это осознает, резко останавливается. Никто не может понять, что он собой представляет, когда он замыкается в себе, как сейчас. Он из тех, кого обычные люди могут охарактеризовать как гениев или сумасшедших, святых или преступников. Впечатление от его личности может соответствовать всем точкам на шкале человеческой психики, но стремится к этим двум крайностям. Он также мог бы быть (в нынешнем состоянии спокойствия, конечно) студентом, гением или безумцем. Его можно принять и не за святого или преступника, а за искушенного во всем потомка знатной семьи, недоразвитого физически и морально. Или даже за повесу с мягким сердцем. Те, кто никогда не слышал, как он говорит, с улыбкой смотрят на него, как на мечтателя: естественная реакция на жуткое впечатление, производимое одним его присутствием. Одно лишь кажется невероятным: он не может быть здоровым. И все же он здоров.

Почти все охотно уступают ему дорогу. Казалось бы оскорбительным, если бы он сел на скромный стул, вместо единственного величественного кресла.

Сен-Жюст [*Бареру, который приветствовал его*]. Добрый вечер, гражданин. Гражданина Робеспьера еще нет?

Колло *вздрагивает, Тальен вынужден сесть, Барер* **начинает моргать глазами и откидывается на спинку стула, лишившись дара речи**].

Бийо [*только теперь обращается к Сен-Жюсту напрямую*]. Добрый вечер, Сен-Жюст. Нет, Робеспьер не был здесь четыре недели. И ты хорошо это знаешь.

Сен-Жюст [*который этого не знал, смотрит на него вопросительно, но сдерживает свое удивление и позволяет себе опустить голову на руки*]. О, почему же?...

Барер. Он болен.

Колло. Больше не получает удовольствия от нашего общества.

Бийо. Конечно. Он жалуется на нас... [*останавливается*].

Сен-Жюст [*отбросив хорошие манеры, не двигаясь*]. Из-за чего?

Бийо. Говорит, что мы выгнали его.

Сен-Жюст. Так. Оставим это. Вы, кому досталась несравненная часть быть республиканскими лидерами и стражами республики, *вы* парализуете правительство своими детскими обидами. Оргии раненной гордости, над которой нужна упорная, тяжелая работа, пока вы не будете готовы отбросить ее, работа, выполняемая с абсолютной дисциплинированностью...

И если он решил, что Вадье [*беглый взгляд на Барера*] своими старческими устами подвергает оба Комитета и Конвент насмешкам, ну, я не удивлен.

Тальен. Знаешь, Сен-Жюст, хватит тебе разыгрывать школьного учителя. Ты воображаешь, что мы не понимаем, кого ты имеешь в виду под словом «мы», противопоставляя его «тебе», и что это значит? Ты думаешь, только твоему всемогущему другу может быть больно?

Колло с силой вцепляется ему в рукав; в это время Барер тянет Бийо немного назад и шепчет ему.

Барер. Мы должны постараться выйти отсюда как можно скорее. Они договорились встретиться здесь, конечно, не без определенной цели. А потом двое из них будут допрашивать нас – и его [*указывает на Вилата*]. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Бийо [*задумчиво*]. Или, в конце концов, это может быть к лучшему [*Барер теряет терпение*] Ладно, давайте уходить отсюда; но как? [*Тальен вздрагивает.*] Ради бога, иди к Тальену и заткни его. Что за идиот.

Барер [*делает несколько шагов и разделяет обе группы*]. Ты выглядишь очень усталым, Сен-Жюст. Ах да, я поздравляю тебя, от имени всех, за Шарлеруа. Победа произвела большое впечатление в Париже.

Сен-Жюст [*не замечая вспышку Тальена, и не глядя теперь вверх; почти резко*]. Спасибо.

Барер. Можешь быть уверен, мы не забывали тебя в Конвенте, когда праздновали эту новость...

Сен-Жюст [*внезапно – в его лице не дрогнул ни мускул – поднимает свои фанатичные проникающие глаза*]. Новости о победе!

Что вам за дело до имени победителя? Французы заинтересованы тем, *кто* захватил для них крепость?

Барер. Робеспьер, кажется, разделяет твою точку зрения. В тот день он даже пришел в Конвент.

Сен-Жюст. И вылил ведро холодной воды на дешевый ладан вашего идиотского почитания героя, за что он заслуживает особенной благодарности. От имени истории.

Короткая пауза.

Барер. Прими это как знаешь. Но я очень рад, что ты именно так на это смотришь.

У Колло появляется идея, связанная со словами, только что произнесенными, и она, очевидно, электризует его; он размышляет о ней, следя за речами.

Сен-Жюст [*снова немного мягче, но осторожно*]. Что он говорил?

Барер. Ничего. Это точно было настолько странным, даже неожиданным. Это легко объяснить, поскольку мы знаем, что он был болен именно тогда. Жара была невыносима, и, конечно, речь – утомительное дело. Он, должно быть, чувствовал, что он не справится должным образом с трудной задачей. Но для меня его повышенное внимание было очень лестно. Поскольку именно мне выпало сделать доклад о победе и захвате Шарлеруа. Хорошо, у меня иное, чем у тебя, мнение о благодарности, обязанностях и личных достоинствах. Поэтому я не сдерживал своего искреннего восхищения. Ваш друг уставился на меня своим пристальным взглядом, и наблюдал за мной непрерывно, но его лицо было маской без всякого выражения. Он лишь кусал свои губы, которые выделялись на лице как красная рана – единственный признак скрытых эмоций, проявившийся на этом подобном камню лице.

Сен-Жюст. Самый подробный отчет, какой только может быть. Мой бог, что во всем этом такого важного.

Барер [*с ярко выраженной улыбкой удивления*]. Не будь ребенком, Сен-Жюст! Одним словом: за все это время Максимилиан не дал нам понять своего отношения к происходящему. Можно было расценить его молчание, как одобрение. Но когда заседание окончилось, и половина якобинцев с верхних скамей собралась вокруг него, он повернулся ко мне – я стоял рядом – и с дружественно резкой улыбкой посоветовал мне, хваля победы не лить столько патоки. Поскольку патока также обманчива.

Серьезное самообладание Сен-Жюста на миг сменяется понимающей улыбкой. Барер замечает это и пугается больше, чем сам это осознает.

Колло [*издали*]. Ты также считаешь это настолько незначительным Сен-Жюст?

Сен-Жюст [*снова весьма сухо*]. О нет. Нисколько.

Барер [*внезапно будто атакует*]. Интересно, как тебе теперь покажется Париж. Он изменился немного – за это время...

Вилат. Робеспьер исчез только чтобы доказать свою вездесущность. Он достиг своей цели полностью. Его имя выписано огненными буквами на небесах, он стал национальным божеством.

Бийо [*неожиданно*]. Он ведет себя соответственно... [*Отвечает на неотступно требовательный взгляд Сен-Жюста.*] Да, как бог, как Александр. Люди его калибра жили в античности, и мы, конечно, следуем по ее стопам. Такое поведение в крови тех редких обладателей властной природы.

Сен-Жюст. А в твоей крови, Бийо, напротив, природа раба. Вот причина, по которой ты столь ненасытен, как революционер. Тебе легко заклеить, как умеренных тех, кто способен контролировать свои пять чувств. Но высказывать свое отрицательное мнение, как свободный человек, однозначно и честно, даже после трех лет кровавого безумия, ты еще не можешь.

Тальен [*снова взрывается*]. Какая наглость! Выразаться свободно! И именно Сен-Жюст требует *этого!* Сен-Жюст, который топит каждую, абсолютно каждую независимую мысль – в крови; безумец, кто посмел бы в *вашей* свободной республике требовать свободы мысли. Нужно остерегаться выражать свое мнение даже насчет погоды, пока не знаешь наверняка, что ОН это одобряет. Вы хотите, чтобы кто-нибудь сказал: «сегодня идет дождь», – если Робеспьер написал декрет, что этот день будет солнечным? Головы рубили за меньшее! Выразаться свободно, однозначно и честно. Хорошо, теперь ты доволен?

Колло, белый от страха и гнева, хватая его за руку, но его отодвигают в сторону. Барер пытается остановить его, затем сдается, улыбаясь.

Бийо [*слушавший с мрачным выражением, кричит*]. Закрой свою пасть, проклятый осел!

Вилат [*в тишине, последовавшей за этим взрывом*]. Ты даешь нашему господину причины хмуриться, Тальен. Ограничь свою тираду.

Тальен разворачивается к ним лицом, раздувшись от гнева, смотрит на всех, и готовится продолжать тираду против терпеливо дремлющей жертвы. Он намного выше Сен-Жюста, худой гигант, оказывающийся перед прекрасно сложенной, красивой фигурой.

Тальен. И это позволяют! Это допускается! Должны быть серьезные основания.

Бийо [*появляется около него, маленький и тихий, сильный как бык; ловит яростного Тальена на высоте его груди, и оттаскивает его*]. Довольно, прекрати!

Тальен [*сопротивляется энергично сначала, затем успокаивается как Бийо*]. Проклятье [*мягко, дрожа немного*], Бийо, позволь мне говорить. Позволь мне говорить, Бийо ... иначе. Я сделаю глупость.

Бийо, поняв, отпускает его. Тальен возвращается к предыдущим словам, будто его не прерывали. Сен-Жюст полудремлет, но слушает с возрастающим вниманием поток этого каскада выражений и слов.

Вы двое терпимы... Париж сжимается, серый от страха и усталости. Три четверти населения сыты голодом по горло, но никто не произносит ни слова, нет никаких бунтов среди бесконечных хвостов перед полупустыми магазинами. Люди ждут с пустыми животами при палящей жаре кусок хлеба из отрубей, они ждут и даже не ломают окно в пекарне.

Столь плохо не было во времена тирана, пятого октября. Женщины не были *настолько голодны*, и все же они пошли, и захватили королевский дворец и приволокли плененного деспота с собою назад в Париж. Ничего не случилось ни с одной. Ни у какого Королевского Высочества и мысли не было приветствовать голодающих женщин пушками или кавалерийской атакой.

Сегодня, если бы только одна секция невооруженной толпой попыталась *просить* о хлебе, свободная республика не позволила бы суверенному народу уйти без ответа. Из тысячи человек, возможно, пять было бы в состоянии впоследствии рассказать о том ответе.

Поэтому никто ничего не просит. Никто ни в чем не нуждается. Все счастливы, согласно предписанию.

Вилат. Действительно ли голод хуже сейчас, чем два года назад?

Тальен. Да, хуже. Намного хуже. В девяносто втором мы боролись за свободу. В девяносто втором нужно было спасти отечество. Поэтому

народ отказался от хлеба, ел гипс, и процветал на нем. Народ защищал *свою* землю, обсуждал на собраниях *свои* проблемы, контролировал своих представителей в Конвенте, кричал, когда падали головы *его* врагов... Сегодня немногие интересуются, что мы делаем в Конвенте. Молодые люди обманным путем откупаются от набора в армию, в то время как у ограды эшафота собираются лишь отбросы общества поглазеть от скуки тупое смертное преставление, повторяемое ежедневно в идиотской манере. Они не аплодируют больше, Сен-Жюст! Революционный пыл сгорел полностью. Депутаты заботятся только о собственной выгоде. Правительство чуждо народу, словно оно английское, а не французское. Республика – просто слово – и большое несчастье. Французы уже чувствуют, что они напрасно жертвовали своими жизнями и жизнями своих детей; что они голодают напрасно, что впали в беспрецедентную бедность напрасно. В довершение всего они падают замертво на улицах! Этот город, когда-то самый живой на земле, теперь кажется мертвым. Люди полагают, что вдыхают запах падали. Безграничные жертвы были ни к чему. Ни к чему? *Те двое* не верят этому. Вы теперь собираетесь собрать хороший урожай. Народ терпит это. Но как долго он будет терпеть? Вы не думаете об этом, вы властные натуры.

Сен-Жюст [*не поднимая глаз, сухо*]. Мысли на лбу не написаны. Ты не можешь знать, что думаем мы. [*Короткая пауза; он делает вдох и немного поворачивает голову.*] И твой обзор неполон. Это должно быть уравновешено совершенно другим видом: Пале-Рояль, бордели и совершенно новые места жительства неисчислимых революционных Крезов. Ободрим голодающих патриотов: Смотрите, братья, мы сделали это. Я уверяю тебя, Тальен: мы думаем и об этом.

Тишина после этих слов становится удушающей. Колло приходит к заключению, что настало для него время выступить вперед со своей идеей. После нескольких предварительных поклонов он начинает говорить тщательно взвешенным голосом, не поднимая глаза.

Колло. Господа, дела зашли слишком далеко. Наша игра становится безвкусной. [*Все слушают внимательно, пытаются предположить роли, назначенные им. Оратор обращается к своему противнику непосредственно.*] Сен-Жюст, разве ты не понимаешь, что тебя провели по садовой тропинке?

Сен-Жюст. Я должен признать, что не обратил особого внимания.

Барер улыбается про себя.

Колло. Ах, да, ты не обратил. Но ты не знал, что твое прохладное превосходство было объектом развлечения, да, развлечения. Та твоя слепая вера в постоянство определенных... отношений наблюдается с острой, злонамеренной радостью. Та твоя беспечная, оскорбительная уверенность в себе была источником восхищения...

Полное отсутствие ответа на его заявление начинает раздражать Колло, но он также в состоянии сдержать себя.

Барер [*получил знак от Колло. Симулирует заинтересованность*]. Заткнись, Колло! Ты что, и впрямь безумен?

Колло. Нет. Я не боюсь преследования, я презираю мстительность некоторых господ. Я разоблачу их, даже если должен заплатить за это своей головой, поскольку есть вещи, которые нельзя желать даже врагам. Я не могу молчать.

Тальен подымает глаза, выражение которых меняется от удивления до прямой тревоги.

Сен-Жюст. Ах да, хорошо, я знаю это.

Он подавляет зевок, настоящий, проистекающий от утомительной напряженности. Колло достиг своей цели; его молодой противник предполагает, что худшее могло случиться. Возможно, Робеспьер был свергнут – такая вещь может произойти быстро. Возможно, он мертв – от него никаких новостей вот уже три дня. Это – самообладание, которое является самым трудным. Испуганный, он ожидает удара – он боится, что побледнеет. Барер заметил фатальную наивность Тальена; проходит между ним и Сен-Жюстом и изящно наступает Тальену на ноги. Без слов он показывает Тальену необходимость изменить его выражение лица, в то же самое время шепча ему сдержанным голосом.

Барер. Хорошо, он, наконец, увидит свет. Но даже в этом случае, это не очень ему поможет. [*Сен-Жюст сожалеет, что его сердце не заключено в сталь в целях безопасности. Барер заканчивает свое обращение к Тальену.*] Я пошел бы домой и в кровать. Идем со мной. Я должен сперва чего-нибудь съесть, и для этого мне нужна компания.

Бийо [*которому это надоело и который чувствует некоторое отвращение*]. Я также буду рад приехать, если ты пригласишь. Пригласишь, или нет? А как ты, Коло? Разве не идешь?

Колло. Через минуту.

Спустя несколько секунд **Колло** обращается к своей жертве с двойным усилием. **Бийо** и **Барер** стоят позади, около двери, внимательно слушая. **Тальен** теперь стоит под близкой защитой **Барера**, проводит быстро рукой – видит отсутствие веревки – и смотрит вниз с обеспокоенным выражением. **Вилат** удобно уселся на стуле **Фуше**, с бледной улыбкой городского хулигана на циничных юных губах.

Колло. Лучше не полагаться ни на кого, Сен-Жюст. Недоверие – буржуазная добродетель, которая пышно расцвела среди нас. Это действительно – роскошный пример добродетели. А отсутствующий всегда оказывается в наилучшем положении.

Вилат [*приближается с поклоном*]. Могу я предложить чрезвычайно уважаемому мной оракулу свои почтительные услуги переводчика? Без меня положение дел никогда не изменится. Только два франка за строчку. Я имею в виду: предложение. Официально гарантированное присутствие духа и остроумная, хотя и с задержкой, реплика. Практика многих лет в Шарантоне. Многочисленные рекомендательные письма.

Колло [*вдумчиво и демонически*]. Все напрасно, молодой человек. Ни одна из твоих уловок не отговорит меня от выполнения своего общественного долга. Так что оставь. [*Снова Сен-Жюсту*]. Давным-давно, в темном прошлом жили два человека разного роста, но считавшиеся равными. Несомненно, ты подумал, что меньшему жилось лучше. Нет, Сен-Жюст, ты ошибаешься. Меньший жил в постоянном ожидании момента, когда правда выйдет наружу. И он, меньший, был связан огромной важностью считаться великим, величайшим. Ты знаешь, что он сделал?

Сен-Жюст. Я полагаю, ничего. Потому, что он должен был знать, что он действительно был величайшим. Иначе он бы таким не считался. У народа *есть* глаза.

Колло. О да, это *ты так* думаешь. Я знал это. Нет, мой друг. Меньший не знал покоя, пока не укоротил великого на важную и в известном смысле все решающую, часть его тела. Это случилось столетия назад. Но метод стал считаться целесообразным. Когда величайший – не единственный великий человек. Кроме того, существует феномен, называемый взрослением.

Ты молод, Сен-Жюст. Ты взял Шарлеруа. Ты растешь, растешь.

Безмерный ужас внезапно возвращает Сен-Жюсту спокойствие. Что за цель у этого хаотичного словоблудия, если не заставить заснуть его бдительность, принудить его принять иную точку зрения, или даже принять ее под нажимом. Он решает послушать несколько простых реплик и затем внезапно оборвать аргументы.

Сен-Жюст [*дружески*]. Зачем ты так напрягаешься, Колло? Если тебе абсолютно нечего сказать, мы можем помолчать. Я не буду держать зла против тебя.

Колло [*тихо*]. О нет, ты был бы рад, даже благодарен, если бы я захотел промолчать. [*Пронзительным шепотом*]. Потому что ты дрожишь перед правдой, которую сейчас выскажут – ты знал ее давно.

Мастерская игра Колло маскирует ужасный фарс неотъемлемый от его слов. Слушатели загипнотизированы. Сен-Жюст, терзаемый противоречивыми предположениями, с трудом себя контролирует. Он ждет любого возможного несчастья; иначе эти злодеи не отважились бы обманывать его.

Сен-Жюст. Бийо, может быть ты мне скажешь, в какую игру играет этот бьющий на эффект актер? Он болен, или только что напился?

Бийо [*холодно*]. Я не знаю. Я мало забочусь о душевном состоянии моих коллег.

Колло [*все еще пронзительным шепотом*]. Почему ты должен был сказать это, Сен-Жюст?

Почему ты притворяешься таким уверенным, несмотря на сомнения в твоём сердце? Слушай, я сомневался, но твой вид пробудил бы жалость даже в тигре; я был готов оберечь тебя от правды. Я полагаю, смерть была бы лишь наполовину так горька для тебя. Но ты не желаешь проявить никакой вежливости, так что я исполню свой долг, и ты будешь жить – если у тебя все еще останутся на это силы.

Пауза

Робеспьер осудил тебя.

Бийо, самый умный из них, хмурит брови. Он полагает интригу ребяческой. Тальен и Барер заинтересованы, Вилат даже очарован. Но Сен-Жюст чувствует безмерное облегчение. Только спустя какое-то время он понимает вызывающее сомнение значение новостей: он не верит

в них полностью, но допускает, что в них есть степень правдоподобия. Но он умудряется сохранять абсолютное неподвижное выражения лица.

Колло. Теперь ты понимаешь, почему они хотели понаблюдать за тобой еще раз в полном блеске твоего самоуверенного презрения, твоей безмерной заносчивости? С какой злобной радостью они слышали твое церемонное «мы?». Твое недостаточное понимание ситуации было явно восхитительно. Но Бийо и я выше желания мелкой мести. Конечно, я предупреждаю тебя не из сентиментальности. Я рассматриваю тебя, как ценную силу, которую нужно сберечь во благо республики.

Сен-Жюст [*Бийо, хотя и не напрямую*]. Декрет подписан? Вы уполномочены арестовать меня? [*Он расценивает молчание Бийо, как подтверждение и встает*]. Тогда мы можем идти.

Колло [*отчасти смущенный*]. Не позволяй импульсам управлять тобой, парень! Немедленное самоубийство, из-за того, что твой друг предал тебя! Сядь.

Сен-Жюст. Я не думаю о самоубийстве. Я только хочу повиноваться закону и дать отчет перед судьями. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что мне нечего бояться.

Барер. Сядь. Вопрос о декрете еще не стоит. Ты мало знаешь того Робеспьера, каков он сегодня, если думаешь об открытом официальном обвинении. Он выделяет яд с раздражающей медлительностью. Его атаки незаметны и обширны. Это не меч, а паутина.

Сен-Жюст глубоко погрузился в размышления.

Колло. Слушай. После Шарлеруа он говорил в якобинском клубе – там, где он начинал, так что эффект был более смертоносен. Он сказал: генералы все более и более становятся объектами личного культа. Это прискорбно, но по-человечески. Но сейчас в Самбро-Маазскую армию был послан комиссар, который превышает свои полномочия, снимает ответственных командиров и захватывает одну крепость за другой. Вместо того чтобы немедленно его отозвать, Париж дает ему почетное место на алтаре своих идолов.

Как мне кажется, Республика в два года достигла положения, занимаемого Римской империей на вершине своего упадка: эра цезарей, назначаемых армией.

Сен-Жюст [*со слабой улыбкой*]. А, да, теперь я вижу. Обычная история.

Колло [*неверно поняв его*]. Именно. Он всегда знал, как уничтожать людей с равной долей злобы и меткости. Что касается тебя, он хочет лишить тебя постепенно твоей популярности и затем уничтожить. Если бы я был на твоём месте, я бы немедленно призвал его к ответу – но тогда я в лучшем случае сохранил бы свою голову. Или я бы оставил его в покое и стал подражать ему. Потому что это очаровательно, видеть предателя, который мечется вне себя от ярости, как сумасшедший, в капкане, который он поставил для кого-то другого.

Вилат [*возбужденный, таинственно*]. Возможно, слаще разъяриться так, чтобы попасться в этот капкан, возможно, это вершина наслаждения, подняться по ступеням к постыдной, болезненной смерти, если эта смерть подарок от... от друга.

Сен-Жюст [*смотрит на него пристально; верно оценивая его липкий взгляд*]. Вы можете сказать мне, коллеги, как эта личность попала в вашу компанию?

Барер [*тихо, в сторону*]. Равенство подымает свой серп....

Сен-Жюст. Равенство, уважаемый господин? Причем здесь оно? Вы поставили себе задачу перевернуть наши моральные принципы вверх дном? С каких пор они обязывают тебя позволять морально неполноценным уличным мальчишкам присутствовать в наиболее недоступных местах правительственных дискуссий?

Поэтому я сожалею о тебе, Колло. Это был безответственный поступок с твоей стороны – не предотвратить идиотское вмешательство этого создания. Одна его улыбка открыла мне всю бездну лжи. Возможно, она окупится и более. Больше осторожности, друзья, больше осторожности в *такой* опасной игре.

Он отворачивается, сжав голову руками.

Вилат [*его руки трясутся*]. Аауу... [*Внезапно его лицо освещается неистовой ненавистью. Он долгое время улыбается с полузакрытыми глазами, глядя на Сен-Жюста. Очень тихо.*] Просто подожди, Гавестон.

Те, кто ближе к двери, вздрагивают и бледнеют. Барер внимательно вслушивается, затем начинает подавать безумные знаки.

Колло [*бледный от ярости, ищет свой плащ*] Я сожалею о своей наивной симпатии к тебе. В конце концов, я знаю, как ты ребячески упрям в своей одержимости. Теперь ты расскажешь ему все, и поверишь в то, что он тебе скажет. Ты поможешь ему выкопать нам могилу – и себе тоже.

Если моя голова падет, мой дорогой юноша, ты можешь как можно скорее просить о соборовании. Это мой последний совет. Adieu.

*Он резко оборачивается и обнаруживает, что остальные застыли, в трагической готовности. Можно услышать тихие шаги – звук, превращающий четырех мужчин в каменные статуи, и в то же время возвращающий **Сен-Жюста** к жизни.*

***Робеспьер** входит, не так эффектно, как **Сен-Жюст**, но с удивительной непринужденностью. Как если бы он вернулся в рабочий кабинет, который покинул час назад.*

Он остается стоять, слегка недовольный, что присутствующие, кажется, не рассматривают его приход, как нечто естественное, как он. Мертвая тишина кругом. Почти назло самим себе, ждущие образуют узкий проход по которому он должен пройти.

Как и его друг, он одновременно привлекателен и отталкивающ, но по-другому. Натянутый и хрупкий, когда стоит спокойно, в движении подобно кошке беззвучный и гибкий, он производит впечатление сверхъестественной легкости. Это легкость кошки или высохшей мумии, в зависимости от ситуации. Его поза и жесты в высшей степени экономны и точны, удивительно контролируемы, как у танцора и явно продуманны, ни один незначительный рефлекс не является спонтанным. Его стройное тело безупречно симметрично, конечности тонкие, слишком тонкие, чтобы производить впечатление. Его лицо лишено всякого выражения, оно очень бледно, с нездоровым оттенком. Его черты, почти совершенные, не гармонируют с искусственным отсутствием выражения. Светло-зеленые глаза с расширенными зрачками. Его рот, не выражающий жестокости, твердо очерчен нейтральной горизонтальной линией. Его губы, прекрасно обрисованные, ясно указывают на его нервную утонченность и почти ненормальную чувствительность; уголки его рта говорят об упрямстве, острой, холодной безжалостности. Необыкновенно густые волосы, чей светло-рыжий цвет лишь слегка виден из-под пудры. Изредка он краснеет, не выдавая своих эмоций; волна крови быстро приливает к лицу, воспаляя его на несколько минут, затем сразу исчезает без следа

Чтобы преодолеть узкий проход, он остается стоять и по очереди встречает присутствующих рукопожатием; для этого он демонстративно снимает перчатку с правой руки. Последней берет руку Вилата, крепко сжимает ее, и дарит молодому человеку необычно долгий взгляд, дружелюбный, но лишенный выражения.

Робеспьер. Итак, ты выступаешь от моего имени, Семпроний? Эта ответственность не слишком велика для дебюта?

Вилат [*которому не по себе*]. Насколько это...

Робеспьер. Так как лишь члены Комитета имеют доступ в конфиденциальное помещение правительственного комитета. Иначе могут возникнуть подозрения, что сюда допущены шпионы.

Пока Робеспьер спокойно приближается к Сен-Жюсту, который пристально изучает его, сидя в кресле; Бийо насильно удерживает Тальена от очередной вспышки. Все действие происходит в тишине, очень быстро, с гиперболизированными жестами – все за спиной Робеспьера, который не принимает в этом участия. Колло внезапно ощущает свои руки слишком тяжелыми; он не знает, что с ними делать.

Вилат [*тихо, его глаза устремлены вверх, к небу*]. Господь всемогущий, огребу я сегодня...

Барер улыбается, крепко удерживая Тальена. Последний, посиневший от ярости, обменивается взглядом с Бийо, который тихо грозит ему и сжимает другую руку.

Робеспьер [*перед лицом обоих*]. Я стою у вас на пути?

Сен-Жюст [*многозначительно*]. Не на моем.

Сен-Жюст не протягивает руки своему другу, но смотрит на него сухо, с почти невежливым упрямством.

Робеспьер [*встречает его взгляд с легким удивлением, улыбается почти незаметно, немного насмешливо*]. Добрый вечер, Сен-Жюст. Может быть, ты все еще меня узнаешь?

Сен-Жюст [*не двигаясь*]. Я... не знаю.

Робеспьер [*берет себе кресло*]. Что-то не так?

Сен-Жюст. Вовне все в порядке – на границах.

Другие останавливаются у двери. Колло весь обратился в слух. Робеспьер, который наблюдает за ними краем глаза, усаживается в расслабленной, небрежной позе.

Робеспьер. У меня зловещий вид? [*Осматривает свой наряд*]. У меня одежда наизнанку? [*Сен-Жюст качает головой*]. Тебе не совсем хорошо? Не удивительно. Эта адская жара высушивает наши мозги. Я пытался продержаться в якобинском клубе час, и не смог. Через три

четверти часа моя тренированная воля изменила мне. Во всем помещении был едва кубометр настоящего воздуха. Предполагается, что этого достаточно для слушателей и ораторов. Голоса звучали так, будто доносились из шестнадцатого столетия. Такие дни могут оказаться губительными для общественной морали. Чувства общности отмирают, всякий человек ненавидит своего соседа. И, что много хуже, человек чувствует, как его демократические принципы шатаются под стремительной атакой мятежных чувств. Я сам должен был спастись бегством, чтобы спасти свою душу, потому что поймал себя на сильном желании увидеть публику восемьдесят девятого года, этих зашнурованных, с уложенными волосами, надушенных людей, когда наш Клуб соперничал с оперой. [*Поворачивается вокруг и показывает восхитительный ряд зубов в улыбке, полной добродушия*]. Мои дорогие друзья, вас не затруднит закрыть дверь? Сен-Жюст так чувствителен к сквознякам.

Они торопятся к выходу.

Бийо [*разворачивается в дверном проеме*]. Почему Сен-Жюст не может сразу сказать нам то, что должен.

Робеспьер. Конечно, это было бы проще всего, поэтому я устроил с ним встречу здесь. Но для этого здесь должны быть только члены Комитета, и нужно попросить посторонних уйти. Я не могу просить о чем-либо столь невежливо.

Бийо [*кратко*]. До свиданья.

Робеспьер. Прощай.

Он оборачивается, чтобы посмотреть, как закрывается дверь и видит, что Бийо неожиданно медлит, затем останавливается на полпути. Бийо сильно бледен; они пристально смотрят друг на друга.

Бийо [*хрипло*]. Робеспьер...

Робеспьер [*удивленный, почти неуверенно*]. Да?..

Бийо [*пересекает комнату несколькими быстрыми шагами; заметно, что он дрожит*]. Я не хочу действовать против тебя, Робеспьер. [*Он протягивает руку, которую Робеспьер берет после мгновенного колебания, удивленный, но довольно охотно*]. До свиданья.

Робеспьер [*ободряюще*]. Ты хотел что-то сказать.

Бийо [*смотрит в сторону окна; устало делает обреченный жест*]. Ничего важного. Но мне пришло на ум, что завтра будет ровно год,

как ты присоединился к Комитету. Двенадцать месяцев ты вынуждал государство одобрять события, на которые обычно потребовались бы полстолетия. Ты преуспел. [*После паузы*]. Но теперь, хватит ли у тебя смелости взять на себя это бремя на *второй* год? Если этот первый год и не разрушил тебя полностью, что насчет неумолимого закона баланса в природе? Разве твои силы не на исходе?

Робеспьер. Нет. И даже если и так, я еще не выполнил свою задачу.

Бийо [*почти нежно*]. Откуда ты знаешь?

Робеспьер [*улыбаясь*]. Потому что я еще жив. Кто из нас может надеяться завершить свою задачу прежде, чем он умрет.

Пауза.

Бийо [*сильно трясет его руку обеими руками*]. Прощай.

Робеспьер [*неумышленно*]. До свидания.

Бийо быстро поворачивается на это слово, но затем снова разворачивается к двери и выходит.

Робеспьер чувствует себя, как после удара. С посеревшим лицом, он наклоняется вперед, судорожно скручивает руки, прижимая голову к выпрямленным кончикам пальцев. Внезапно он подымается, подходит к окну и задерживается там. Его безжизненные глаза устремлены за горизонт, нижняя губа прикушена. Руки так крепко сжаты, что запястья побелели, как мел, и сплелись в нечто вроде умоляющего жеста. Сен-Жюст не отводит от него глаз. Только потом, когда Робеспьер отодвинулся в сторону, явно чтоб не быть все время под наблюдением, Сен-Жюст сжалился и перестал на него смотреть.

Сен-Жюст [*для которого это длится слишком долго, не поворачиваясь*]. Привет тебе, Робеспьер.

Робеспьер [*овладевает собой, наконец, и разворачивается*]. Извини.

Сен-Жюст [*упорно смотрит на него*]. Почему, из всех возможных мест, ты попросил меня прийти именно сюда.

Робеспьер. Подожди [*смотрит на дверь*]. Будь так добр, проверь сначала, одни ли мы здесь.

Сен-Жюст [*с неохотой встает*]. Ты безумен со своей манией преследования.

Сен-Жюст рывком открывает дверь. Вилат отпрыгивает назад так внезапно, что вынужден схватиться за стену. Затем, по безмолвному приказанию Сен-Жюста, проходит в комнату с высоко поднятой головой.

Прости меня, Робеспьер. Твоя интуиция изумительна.

Робеспьер [*смотрит на молодого человека с меланхоличным удивлением*]. Бедная маленькая крыса в львином логове.

Вилат [*с внезапной силой*]. Да... о, да. Параллель развивается. [**Робеспьер** принимает позу отторжения. **Вилат** мобилизует все свои душевные силы, чтобы не позволить себя отвергнуть]. Робеспьер, позволь мне говорить. Ты не знаешь, почему я здесь.

Робеспьер [*сладко*]. Ты, вероятно, забыл свой памфлет.

Вилат [*рыдает, наполовину от испуга, наполовину от отчаяния. Он становится очень бледен. Через какое-то время прочищает горло и начинает говорить. Его голос глух от ярости*]. Моя память не так плоха. Я хорошо его спрятал.

Робеспьер. Тогда твой носовой платок, часы, цветок из петлицы. Бог мой, скажи что-нибудь. Я хочу помочь тебе выбраться из этого недоразумения.

Вилат [*успокоившись, тише*]. У тебя нет причин быть столь довольным собой. Я ничего не забыл, я слушал.

Робеспьер. Но, дитя, мы это знаем. Мы заинтересованы не в правде, а в отговорке. Ты упустил свой шанс. Жаль, знаешь ли. Зачем ты положил голову на колоду?

Вилат [*смотрит на него*]. Зачем ты открыл во мне злодея?

Робеспьер. Я... всегда я. Скоро я буду в ответе за каждую любовную трагедию во Франции.

Вилат. Да, ты. Я бросил душу к твоим ногам – это обидный жест, но может ли крыса оскорбить льва? Ты мог поднять ее с земли своими белыми руками; хоть она грязна, это все еще живая человеческая душа...

Когда я стал помехой, с моей ребяческой атакой, ты высмеял меня – перед многими людьми – а ты хорошо знаешь, как сделать кого-либо смешным...

Сегодня, когда по чистой случайности я сидел здесь с твоими коллегами, не подумав, что это за место, ты назвал меня шпионом. Я

никогда им не был, но твое слово – приказ или заклинание. Я стал шпионом немедленно. [*Он смеется и кричит.*] Да, сразу же, вдвойне, вдвойне.

Так что теперь я хотел подслушать твой разговор с Сен-Жюстом, чтобы продать его вашим врагам. Я уверяю тебя, здесь нет недостатка в покупателях на такой товар. Да, ты можешь смеяться надо мной, если хочешь. Я никогда, никогда не оставлю тебя в покое. Итак, если ты стремишься сохранить власть, ты должен взять на себя труд меня арестовать.

Робеспьер. Чтобы сделать это, я должен буду кого-то позвать. А потом будет еще больше хлопот. Я слишком устал от жары. Но ты благородный, рыцарственный шпион, который может мне очень помочь и причинить немного вреда. В худшем случае твое существование станет свидетельством моего великодушия. Иди с миром и грехи, сколько хочешь.

Вилат [*кланяется и выходит; по пути снова оборачивается*]. Я буду откровенен, ни один человек не должен сводить крысу с ума, Робеспьер, потому что каждый человек может обнаружить себя однажды лежащим на полу, связанным и раненым. И тогда...

Робеспьер [*Сен-Жюсту, который угрожающе приближается к Вилату*]. Пусть бежит.

Сен-Жюст [*в дверном проеме*]. Если снова будешь пойман, тебя пригвоздят к позорному столбу.

Вилат [*наклоняется назад*]. О, не беспокойся, два раза подряд я не буду так глуп.

Сен-Жюст [*садится, с удовлетворением*]. Я снова проиграл тебе.

Робеспьер [*немного смущенный, незаметно избегает взгляда другого, не глядя*]. Он не подслушивал.

Сен-Жюст. Тогда зачем...

Робеспьер [*тихо, но вполне естественно*]. Хотел предупредить меня.

Сен-Жюст. О чем?

Робеспьер. Я не знаю.

Сен-Жюст [*теряя самообладание*]. И ты не позволил ему говорить. И так это...

Робеспьер. Любую подсказку, связанную с общественным делом я бы принял охотно и с благодарностью. Но я чувствую, это касается только моей личной безопасности. И как я могу быть лично в долгу у такого создания? Мне очень жаль, но это было невозможно.

Сен-Жюст [*очень обеспокоенный*]. Это была ужасная ошибка. Бог знает, что это могло быть.

Робеспьер [*благоразумно зеваает*]. Попытка государственного переворота или обычный заговор. Мы увидим через несколько дней. В любом случае... [*вдруг застывает в торжественной позе, мертвенно бледный, с постепенно расширяющимися зрачками*].

Сен-Жюст [*очень испуганный*]. Что случилось?

Робеспьер [*вскакивает на ноги*]. Бийо! Странное поведение Бийо!

Он начинает быстро ходить по комнате.

Сен-Жюст. Ну...?

Робеспьер [*впервые обращает на него горящие глаза*]. Дело может оказаться серьезным. Возможно, они, наконец, решились на что-то. Слава богу, если это так!

Сен-Жюст [*резко*]. Тогда говори то, что должен. [*Пауза. Робеспьер поражен. Сен-Жюст несколько смущен.*] Тебе не нужно ходить вокруг да около, Максим. Я представил себе картину, пока ты сейчас молчал.

Робеспьер [*не понимая*]. И..?

Сен-Жюст [*не двигаясь*]. Мы... все еще... товарищи по оружию? [*Когда Робеспьер, находящийся в полубессознательном состоянии не сразу отвечает, он шепчет*]. Не лги!!!

Робеспьер [*садится*]. Насколько меня это касается, само собой разумеется. В чем дело?

Сен-Жюст [*только наполовину владея собой*]. Ты приговорил меня? Ты обратил их против меня?

Робеспьер [*позабавленный*]. А, Колло?!

Сен-Жюст. Как ты узнал?

Робеспьер. Разве не он стоял над тобой очень зримо, когда я вошел? Разве не он находился в центре воодушевленной импровизации, сцены достойной Яго? И его глаза, когда ты взглянул на меня! Он смотрел на тебя глазами мастера ядов, ожидающего эффекта своего зелья [*бросает взгляд на Сен-Жюста*], и оно в самом деле сработало. [*Он на мгновение опускает глаза, не отвечая на мучительную мольбу Сен-Жюста, исходящую из глубин его подозрений*]. Колло хитер и, очевидно, скормил тебе какую-то детскую историю. Ведь только совершенно глупые подозрения не могут быть устранены. Вера в невероятное почти неизлечима.

Сен-Жюст [*с трудом*]. К несчастью, философия не может мне помочь.

Робеспьер [*смотрит на него*]. Никто не может помочь тебе, Сен-Жюст. Правдоподобное обвинение я легко могу опровергнуть. Столкнувшись с нелепостью, чистым абсурдом, я бессилён.

Он, должно быть, сказал тебе, что я приговорил тебя за твоей спиной. Без всякой причины я отрекся от единственного друга, причинил ему вред, превратил его в безжалостного врага. Я, кто с трудом выносит свое одиночество...

Нужно обладать чем-то большим, чем ум, чтобы ударить так. Я никогда не считал Колло способным на такое проявление гения. Его ненависть должна достичь зенита, если он извлекает из нее такие идеи. [*После паузы.*] Да. Все это ведет в одном направлении. [*Снова смотрит на Сен-Жюста.*] Политически мы связаны, Сен-Жюст – до конца. Не беспокойся о наших личных отношениях. Потому что я вижу, что-то состряпано против нас обоих.

Сен-Жюст [*заламывая руки*]. Максим, ты не мог этого сделать. Докажи это.

Робеспьер [*очень печально*]. Это невозможно.

Сен-Жюст [*погружается в уныние*]. Так вот как. [*Его зрачки расширены от ужаса; очень тихо*]. Ты... [*пауза*].

Сначала я думал, что был оклеветан. Тогда твоей обязанностью было бы осудить меня. Но тогда тебе нечего было бы скрывать, и я мог бы сразу все объяснить.

Но это была не клевета. Это был секрет, чудовищный шах и мат. Я никогда на самом деле не знал тебя. Вполне возможно, твой гений поражен

безумием. [**Робеспьер** *вздрагивает*]. Господи, по крайней мере, контролируй себя!

Твой поступок был, возможно, результатом идиотской подлости, рожденной простой жадной злостью – что я знаю о тебе...

Робеспьер [*вне себя*]. Черт возьми, парень! Ты обезумел? Это ложь, идиот, ложь. Проклятая, глупая ложь, а ты на нее попался.

Сен-Жюст [*обессиленный, погружается в кресло*]. Слава богу.

Долгая глубокая тишина. Он смотрит вперед с выражением истинного счастья. Робеспьер, который впервые в жизни запялнул свои губы бранным словом, все еще дрожит от гнева. Внезапно Сен-Жюст откидывает голову назад и смеется – тихо и спокойно, деликатным смехом – влажным, будто сквозь слезы, ясным, как солнечный свет.

Почему ты не можешь раз в жизни побыть наивным – ты, великий государственный деятель! Наивным как ребенок, как женщина... Твой разум сыграл с нами обоими грязную шутку. Необходим чудовищный интеллект, чтобы оставаться спокойным при таком обвинении и сразу же овладеть ситуацией. Любой другой человек потерял бы самообладание после такого удара, он мог бы остаться возвышенным, но беспомощным. Я ждал, что ты отступишь, онемевший. Таким образом ты доказал бы мне, что невиновен, не произнося ни слова. Мои нервы кричали, чтобы ты старался защитить себя бестолковыми словами, чтобы ты повторял одно и то же неубедительное извинение десятков раз подряд, чтобы ты потерял все свое превосходство, как пойманная в ловушку мышь в ее слепом неистовстве, чтобы повел себя так, как следователь ожидает от обвиняемого. Но ты и глазом не моргнул. Ты затеял философскую беседу. Ты с сожалением объяснил, что мои рассуждения неопровержимы. Ммм... [*вздрагивает*]. Ну, теперь солнце светит снова. В конце концов, ты потерял самообладание. [*Встает и потягивается*]. Что за великолепный вечер.

Робеспьер [*спокойно улыбается*]. Теперь я кажусь себе бесконечно глупым. Бесконечно. Действительно освежающее чувство.

Сен-Жюст. Я хочу танцевать. [*Опирается на спинку кресла своего друга*]. Не думаю, чтобы тебе этого хотелось. Что бы ты хотел сделать?

Робеспьер [*откидывает свою голову так далеко назад, что касается скрещенных рук Сен-Жюста*]. Я не могу сказать. Мне было бы стыдно.

<http://frostcluster.tumblr.com/post/147704237678/just-finished-reading-thermidor-by-stanislaw>

Сен-Жюст. Это ничего. Я бы не стыдился. Я знаю, коли на то пошло, ты хотел бы поспать.

Робеспьер. Да и нет. Я хотел бы умереть сейчас.

Сен-Жюст. О, что за дурной вкус.

Робеспьер. Ммм... и, однако, именно об этом я и думаю. Смешно, как много храбрости нужно, чтобы желать вещей, которые являются проявлением дурного вкуса.

Сен-Жюст. Да, потому что все совершенное ищет средство спасения в этом желании.

Робеспьер. Предупреждаю тебя, скоро ты покажешься себе очень глупым.

Сен-Жюст. Нет.

Робеспьер. Почему – нет? Я исхожу из своего опыта.

Сен-Жюст. Да. Ты думал и все еще думаешь о себе. А я думаю – тоже о тебе. И я не интересуюсь собой. Я слишком занят, пытаюсь вновь обрести тебя.

Робеспьер. И успешно?

Сен-Жюст. Я еще не знаю. Твое лицо нужно зафиксировать заново – черту за чертой. Ни одно выражение не должно быть упущено, ни один нюанс не должен быть скрыт. Это трудная, напряженная работа, пока не появится уверенность: это он, не незнакомец.

Робеспьер. Такая уверенность приходит с первого взгляда.

Сен-Жюст. Ему нельзя доверять. Как часто лицо перед нами – лишь маска, плохо сидящая после ужасного преобразования. Ведь тело меняется так медленно. [**Робеспьер опускает голову.**] Но... Ты не должен прерывать меня, Максим.

Робеспьер [*касается своего затылка*]. Попытайся сам выдержать десять минут, ломая себе шею. Попробуй! И потом, ты знаешь, ребячество опасно. Есть в этом что-то сверхъестественное. Как если обнаружить ядовитые зубы у сделанной из бумаги змеи или веревку палача сумочке для шитья молодой девушки, или необычное, подымающее волосы дыбом значение диалога в салонной комедии. Гораздо проще спрятаться за стеной толстокожего превосходства и гордости.

Сен-Жюст. Почему ты так неискренен, так уклончив?

Робеспьер [*в замешательстве не сразу отвечает на вопрос; спустя какое-то время*]. Я изменился?

Сен-Жюст. Очень сильно. Твоя склонность уклоняться, странная и немного новая. Твой злоеший юмор постепенно переходит в истерию. И в твоих чересчур расширенных зрачках, в самой глубине, видно, как появляется зародыш паники, паники человека, загнанного в угол.

Робеспьер. Хм... Я состарился?

Сен-Жюст. Нет. Но ты сжег себя. Полагаю, ненавистью.

Робеспьер [*улыбаясь*]. Полагаю... [*Через какое-то время мечтательно, довольно.*] На днях читал на ночь мемуары английского путешественника. Он рассказывал о восточном маге, который наложил проклятие на своего врага. Там описано, как он стоял неподвижно в своем саду на восходе солнца и проклинал имя своего ненавистного противника целый час пока его глаза не побелели, а пена с его губ не закапала на землю.

Я не осмелился прочесть больше ни строчки. Я был так потрясен, что почувствовал головокружение. Никогда эротические образы или воспоминания о них не потрясали меня так до мозга костей. Я чувствовал слабость во всем теле. Не думаю, что смогу когда-нибудь забыть эту ночь.

Вскоре я заснул, и во сне должно быть проклинал имя божие с трибуны, пока глаза мои не побелели. Восемь раз, задыхаясь, пытался я вырваться и заставить себя проснуться. И восемь раз падал обратно в бездну, и бормотал онемевшими устами немыслимые речи, вопреки моей парализованной воле, без участия разума; и от каждого моего слова по спине бежали мурашки, вызывая приступы боли с обеих сторон и до кончиков пальцев. [*Пауза*].

Я выбрал эту книгу, потому что она показалась мне хорошим сновидением. И во всех иных отношениях так оно и было.

Пауза.

Сен-Жюст [*что-то двигает по столу туда-сюда*]. Я не могу последовать за тобой в эти сферы. Ненавидеть душой – а также телом...

Робеспьер. Такие вещи начинаются, только когда ненависть полностью отделяется от отдельных людей и направляет себя против... целого. Тогда тело настоятельно требует, и скручиваются невинные нервы. Ненависть против отдельных людей идилична, почти освежающа. *Другой род* ненависти сжигает человека.

Пауза.

Сен-Жюст. Скажи мне, это правда, что ты ушел из-за постоянных атак в Комитете.

Робеспьер [*изумленный*]. Ради бога, Сен-Жюст, за кого ты меня принимаешь?

Сен-Жюст [*очень мягко*]. Как странно мы разошлись друг с другом в разные стороны.

Робеспьер. Не могу этого сказать. Я удивлен твоей неуверенностью, потому что мое отношение к тебе несколько не изменилось. Что бы ни случилось, это *ты* от меня отвернулся.

Сен-Жюст. Отчужденность всегда взаимна по своей природе.

Робеспьер. Ты прав, но давай не будем уточнять. Мое исчезновение связано с делом, вокруг которого сейчас вращается моя жизнь. Это война стратегии и ухищрений. Результат превзошел ... далеко превзошел все мои ожидания. [*С усилием, принуждая себя.*] Возможно, слишком далеко. [*Приободряя себя.*] Солнце сокрыло свой лик, когда о моем отсутствии было объявлено в Конвенте. Глубочайшая тишина распространилась при виде моего опустевшего места; дрожь прошла по залу из-за пустого подлокотника моего кресла. Из лихорадочной активности произошел хаос, выдававший панику, скрываемую лишь с величайшим трудом. Бийо хандрил и ругался, Фуше улыбался про себя. Фразы о моем неминуемом падении были выучены наизусть, их бросали в любом разговоре, публичном или приватном, чтобы поднять народный дух. Завтра он будет на смертном одре, говорили уже тогда. О, какая радость, если бы *можно* было подлинно верить в это.

Сен-Жюст. Ты вступил в смертельно опасную игру.

Робеспьер. В самом деле. Но это было необходимо. Откровенно говоря, эта необходимость мне хорошо пригодилась. Потому что я достиг той точки, когда обычные люди подумывают позвать священника. Каждый шаг требовал от меня чудес акробатики, стальных нервов, и у меня появилась неприятная склонность расплачиваться за каждое публичное выступление кровохарканьем. Едва ли день проходил без того, чтобы я не падал в обморок. Все это я мог перенести. Что действительно плохо, при каждом столкновении, при легчайшем укусе комара из Болота, я выходил из себя. Они дрожали не без удовольствия под первым натиском нашедшего на меня гнева, за который я должен был платить. Потому что

ужас, внушаемый неистовым Орландо, нереален и имеет сомнительное сходство с эстетическим опытом, какой переживает зритель в театре. В конце концов, в Комитете мы все стоим на сцене и то, что случилось, не поддается описанию. Престиж моего опасного непостижимого спокойствия начал исчезать. А я не могу без него. Своим внезапным исчезновением я возродил его.

Сен-Жюст. Но ты в самом деле восстановил свои силы?

Робеспьер. Конечно. [*Он улыбается улыбкой, похожей на гримасу, но без горечи.*] Я никогда не любил жизнь так сильно, как в эти шесть недель. Восторгался каждой минутой.

Сен-Жюст. Почему ты издеваешься?

Робеспьер. Это не я – это природа. Природа издевается охотно и с тонким юмором. К примеру, когда больше всего хочешь прибрать мир к своим рукам, поджечь его или разбить на части, – а кровь стучит в ушах, и ты теряешь силы на неделю. Или когда страдающий от чахотки, – я говорю не о себе, – чувствует дикое желание плодить детей, бедняжек, нежизнеспособных с самого начала. Все доказательства радостного юмора...

Сен-Жюст [*наклоняется вперед, чтобы посмотреть ему прямо в глаза*] О чем ты действительно думаешь, Максим?

Робеспьер [*моментально возвращаясь от глубокой задумчивости к неискренней шутливости*]. Я уношу свои мысли и фантазии далеко от этого мира, но в глубине души меня беспокоит лишь один вопрос, как ты примешь новости, которые я тебе сообщу?

Сен-Жюст [*неприятно удивленный*]. Что же это? Впервые у тебя есть сомнения.

Робеспьер. Конечно. Но сегодня ты так далек от меня, сын мой, это дурной признак. Что происходит, если ты больше не понимаешь меня? Страх, обычный страх охватывает меня. Возможно, ты сочтешь невозможными мои объяснения.

Сен-Жюст. Ну да, все больше потому, что мои нервы также разделяют это чувство [*он внезапно встает и обхватывает Робеспьера протянутыми руками, как ярмарочные щипачи*]. Максим, что – с тобой – происходит?

Робеспьер [*неожиданно становится апатичным, говорит тихо и быстро*]. Я сгораю изнутри, распадаюсь физически. Приводящий в трепет и загадочный феномен. Ни боль, ни распознанные болезни не уменьшают моих знаний о неестественности состояния, в котором я нахожусь.

Сильная лихорадка, съедающая меня изнутри не дает мне передышки ни на минуту. Мое здоровье весьма мало меня интересует, пока я контролирую свои нервные центры. Но сейчас я теряю контроль, я словно немного пьян от легкого горячего головокружения, которое кажется безвредным, даже приятным, оно пугает только когда я смотрю на себя в зеркало.

Молчание. Сен-Жюст не выпускает руку Робеспьера.

Моя способность мыслить поражена, ты знаешь! [*Тишина*]. Все зашло слишком далеко. Я испытываю сомнения... Моя интуиция, когда-то безошибочная, теперь слабеет, ухудшенная моим нездоровьем и может видеть реальность в неверном свете. Эта лихорадка не спадает ни на минуту! Ни на минуту я не могу прийти в свое нормальное состояние! Не могу довериться собственным чувствам – можешь ты вообразить, что это за пытка? Я могу ошибаться...

Долгое молчание. Он глубоко вдыхает и берет себя в руки.

Все тот же абсурд. Скучное самоистязание человека в лихорадке. Гоняюсь за собственным хвостом. Я знаю в точности, что речь не об ошибке. Факты тверды как камень и вызывают о мщении. Никакого иного выбора; время истекает – и я позволяю моим нервам связать мне руки. Давай положим этому конец. Сейчас ты, мой дорогой друг, расскажешь мне немного о том, как неделимая Республика выглядит во II году с северных границ.

Сен-Жюст [*отчасти успокоившийся, снова садится*]. Ее, во всяком случае, распирает от здоровья.

Робеспьер [*со странным выражением*]. Но, возможно, немного.... м-м-м... апоплексического.

Опустошающая пауза.

Сен-Жюст [*не уверен, в глубине души вновь подымается болезненное подозрение*]. Теперь-то ты мне скажешь, почему хотел встретиться со мной здесь, в публичном месте?

Робеспьер. Это очень просто. Если бы ты приехал ко мне сразу по возвращении, на другой же день все газеты забили бы тревогу из-за секретного совещания дуумвиров. Разве только у меня есть шпионы? Если я встречаюсь с тобой здесь, повод отпадает. И было ли мне трудно избавиться от наших обычных друзей, ты можешь судить сам. Удовлетворен?

Сен-Жюст. Да. А что ты имел в виду, когда говорил об апоплексической республике?

Робеспьер. Я не врач, выбор выражения был, возможно, ошибочным. Я называю апоплексическим организм, в котором чрезмерное давление крови больше не сдерживается силой и эластичностью его сосудов. Слишком узкие и слабые они лишь с трудом позволяют крови течь, они растягиваются, пока могут, пока наконец...

Сен-Жюст [*после коротких размышлений*]. Ты, конечно же, снова прав.

Робеспьер [*медленно*]. Я, конечно же, снова прав.

Последние слова, почти неслышимые, сказаны нормальным тоном, Его голова низко склоняется вперед, поддерживаемая правой рукой, в то время как левая сжимает подлокотник. Перекинутой через него ногой он отбивает ритм.

Сен-Жюст [*почти враждебно*] Ну и? Что теперь?

Робеспьер [*поднимает свинцово-серое, очень изменившееся лицо и бесстыдно лжет*]. Я почти заснул. [*Истерически, но контролируя себя.*] О эта проклятая скука, всегда все знать наперед – всегда – каждый раз! И подумать только, я мог позволить сомнению уничтожить меня заживо.

Я не верю больше своим глазам. Боже мой.

Он смеется с трудом и апатично.

Сен-Жюст. Сейчас ты нездоров, старик.

Робеспьер. Не только я, это всеобщая трагедия, но, по крайней мере, вернемся к фактам. Чтобы избежать всего, что не необходимо, я первый скажу тебе что я, скромный штатский, знаю о ваших военных подвигах. Затем ты можешь объяснить мне детали.

Сен-Жюст [*с трудом скрывая раздражение*]. Извини, но это уже допрос или нет?

Робеспьер [*несколько резко*] Нет. С каких пор мы стали разговаривать друг с другом используя трусливые символы дипломатических речей? Допрос я бы начал сразу, как таковой. А теперь слушай и поправляй меня.

В то время как армия Севера под командованием Пишегрю отрезала на северо-западе Австрию от Англии и изолировали Йорка, вновь сформированная Самбро-Маасская армия под началом Журдана двинулась в свое непреодолимое победное шествие по Бельгии. Ты, как великий знаменосец Франции, принес ей удачу и более того, свою железную беспощадность, свою волю к победе. Первой пала крепость Ипр. С этого дня коалиция отступает, поддерживая лишь точки сопротивления, которые все пали под вашим превосходящим натиском. Шарлеруа пал восьмого мессидора, армия должна благодарить за это тебя. После Флерюса дорога на Брюссель была открыта для тебя и твоей армии. Двадцать второго мессидора вы достигли Брюсселя. Здесь вы соединили свои силы с Северной армией. Без усилий вы заняли остальные пункты. Враг был окончательно разбит и оставил свои территории, отступив частично за Ла-Манш, частично за Рейн. Нидерланды были ваши.

Ты, наконец, вырвал хотя бы отчасти ядовитые зубы у подлого идиотизма Карно: он хотел двинуться, в целях пропаганды в Голландию, со всеми его силами и пятнадцатью тысячами твоих людей. Но даже так, приказ не мог быть полностью игнорирован, и вот почему Пишегрю, который был в это время близок к разгрому Йорка, а также Кобурга и Клерфэ, был немедленно сорван с места действия. Это не имело дальнейших дурных последствий, потому что ты вовремя среагировал.

Сен-Жюст. Да, действительно так и было. Я хотел бы узнать, от кого исходило это бесславное решение. У тебя есть подозрения?

Робеспьер. От Карно. Или может быть, он забыл подписать его.

Сен-Жюст. Карно коллективное имя многих генералов и еще большего числа государственных деятелей. Мне интересно, кто стоял рядом с ним в этот раз, как его муза.

Робеспьер [*останавливается и идет к документам в своем портфеле, который лежит столе*]. Хм. Предложение пришло кружным путем.

Сен-Жюст [*тихо*]. Проклятье. Кто это был?

Робеспьер [*в то же время бросая на него косой взгляд*]. Это был я.

Мертвая тишина.

Сен-Жюст [*пораженный*]. Не надо так шутить... Это не правда!

Робеспьер [*твердо*]. Правда, мой друг.

Он прекращает играть с бумагами, встает, прислонившись к столу, слегка наклоняясь вперед, сконцентрированный в своем ледяном спокойствии, но его пульс убыстряется.

Сен-Жюст [*откинул голову на спинку кресла, руки беспомощно вытянуты, тяжело дышит, кричит*]. Если это так, то тогда ты [*еле слышно*] безумен.

Робеспьер. Я так не думаю. Я хотел помочь вашему сокрушительному поражению.

Сен-Жюст [*после перехватывающей дыхания тишины говорит тихо и быстро, глаза прикованы к Робеспьеру*]. Ты безумен – безумен – великий Боже! Чтобы принести мне поражение. После того, как мы упорно ломали сопротивление превосходящих сил противника, которые возвращались дюйм за дюймом. После недельной битвы, которая обратила в пепел три провинции, после кровопролития такого масштаба, которое без победы означало бы смерть.

Нужно было только наше поражение под Флерюсом, чтобы расколотая коалиция объединила свои силы и появилась дружно перед нашими уставшими войсками. И тогда мы побежали бы от них, а за нами двигалась бы стена огня, дождь серы по угнетенной Фландрии, по нашему Северу, который едва ли еще вернулся к нормальной жизни после посягательств роялистов. Подумай только, между Лиллем и Парижем нет Фермопил, нет Вальми, где в последний час нужды можно закрыть путь врагу своим телом. А так...

Робеспьер. Именно этого я и хотел добиться! Внезапное вторжение, паническое уничтожение наших вооруженных сил.

Сен-Жюст [*глухо*]. А потом?

Робеспьер. Потом – la liberte ou la mort.

Сен-Жюст [*после короткой напряженной тишины, стремительно, горячо*]. Объяснись.

Робеспьер [*сосредоточенный*]. Теперь я знаю причину нашего отчуждения. Я был готов к этому изменению в тебе. Ты слишком

чувствителен для государственного деятеля, особенно для революционера. Ты не полностью одержим идеей. Твоя горячность может взять вверх, когда ты обеспокоен. Твои принципы отклонились из-за подавляющего богатства твоего опыта. Только что ты видел войну во всех ее проявлениях, войну народа против монархии, которая использует наемников и обученную человеческую плоть. Вполне естественно, ты был доволен. К сожалению, твое возбуждение дошло до того, что изменило тебя. Твой образ мышления изменился, ты вкладываешь новые концепции в старые слова.

Сен-Жюст [*неохотно*]. Захватывающе, как и всегда... Но почему ты снова уклоняешься от вопроса.

Робеспьер. Больше не уклоняюсь. Я должен был обратить твое внимание на то, что сегодня ты сможешь понять меня лишь с большим трудом.

Тишина. Он задумался, стоит на месте, принимает решение и начинает говорить, очевидно, смущенный.

Мой мальчик, в ближайшем будущем я пошлю некоторые законы к дьяволу. Я буду ставить на одну карту, больше, чем просто на одну компанию. В этом я рассчитывал на тебя со своей обычной уверенностью, но теперь у меня есть некоторые сомнения. Ибо я должен буду уничтожить тебя, если ты попытаешься мне помешать. Мне бы очень хотелось избежать этой необходимости. Теперь выбирай: мне говорить, или ты бы предпочел не знать?

Сен-Жюст [*внезапно оживает в радостном изумлении*]. Но ты уже раскрыл себя..!

Робеспьер [*опускает голову, сухо*]. Верно [*долгая пауза, он смотрит внимательно на своего друга*]. Оставить тебя, отказаться от... [*короткая пауза*]. Нет, я не оставляю тебе никакого выбора; раздели мой секрет.

Он снова садится.

Сен-Жюст [*опускает голову, с облегчением, почти с восхищением*]. Что ты за тиран! Я уже чувствую, как моя воля уступает твоей. Вот как это происходит со всеми нами.

Робеспьер. С нами? С кем это с нами?

Сен-Жюст [*слегка удивленный*]. Что ж – я имел в виду себя и остальных твоих подданных и помощников.

Робеспьер. Нет, сын мой. Мы – означает ты и я, исключительно и безоговорочно. И это так и останется. Несмотря ни на что.

Сен-Жюст [*полностью обезоруженный, дрожа от счастья и не чувствуя этого, улыбаясь по той же причине, с полуопущенными веками*]. Теперь я скоро снова буду дома.

Робеспьер [*с оттенком меланхолии*]. Мы скоро это увидим [*пауза*]. Во имя Господа, вперед! Послушай, почему я так ждал поражения. Война как таковая неизбежна. В девяносто втором у нас не было выбора. Революция должна была доказать свою жизнеспособность. Оборонительная война здорова. Но наступление – это яд. Ничем не уравновешенная героическая война прошлого превратилась в атаку во имя территориальных приобретений. Какой позор! Мы первая и единственная нация в Европе, которая нацелена на обеспечение нужд нашего народа, мы, как и все прочие, захватываем землю и имущество наших соседей и топчем ногами то, что не успеваем сожрать.

Сен-Жюст. Ты забываешь, что мы распространяли Революцию. Как еще ее расширить? Божественная благодать на земле должна распространяться огнем и мечом.

Робеспьер. Как это верно и как порочно! Ты не можешь всерьез полагать, что наша славная армия сейчас остается носителем идеи. Единственный подарок, перевозимый ею в соседние страны – это сифилис. Смерть и разрушения не в счет. Они всего лишь товары для обмена.

Сен-Жюст. Армия не несет идею, но открывает путь для нее. Переведи свой взгляд на десять лет вперед, и ты онемеешь.

Робеспьер [*почти со стоном*]. Десять лет! Не принимать во внимание десять лет язв египетских, так как за десять лет идея может вырасти из этого гнилого хаоса, как одинокий цветок.

Я, мой друг, держусь прочно за этот жизненный час, держусь отчаянно. То, на чем я стою, это настоящее, хотя это чертовски неудобно. Я не позволяю себе игнорировать войну, которой они поклоняются. Я мог бы даже обсуждать эту печальную мерзость с мужественным безразличием, если бы зараза коррупции не просачивалась от нее до малейших корешков общества. Нация, которая ведет войну, если она не вынуждена этого делать

заражается до самых кончиков своих пальцев. Просто посмотри, что эта война сделала с Францией

Ты когда-нибудь обдумывал, каким чудовищем является регулярная армия? Наши волонтеры девяносто второго года, которые обращались со своими винтовками, как с пиками, были возвышенны: мужчины в полном смысле этого слова, защитники *своей* собственности, *своих* жен. Так воодушевленные своим энтузиазмом, что за несколько экстатических часов они превратились в героев. Конечно, зверь поджидал этих героев, и часто брал вверх. Были панические убийства, жестокость, но это было лишь восстановление баланса в природе, как говорил Бийо. Но даже зверь лучше, чем – солдат.

Те, кто спасся после Вальми, пережившие опасность и покинутые духом свободы, опустились так низко, что звери предпочтительнее, чем они. В профессиональных солдатах нет и следа человечности. Из прусского автомата душа выбита столь эффективно, что он теряет самого себя и большинство человеческих инстинктов, и он даже не чувствует страха смерти. *Мы* хотим подражать этой модели. Пестрые орды героических защитников превратились в армию – твердую, как сталь, но до сих пор еще не потерявшую всех прежних качеств. Еще не все потеряно.

Сен-Жюст. Я не понимаю, почему часть народа может погибнуть, только потому, что они научились *некоторой* дисциплине, *некоторой* организации.

Робеспьер. Дисциплина необходима в критические моменты, но не должна становится сущностью чьей-либо жизни. По сравнению с этим, физическая кастрация всего лишь мелочь. Военная организация не организует, а дезорганизует. И армия это больше не народ. Она отделена от общества. Отказавшись от своей человечности, человек в армии теряет связь с природой. В настоящее время он лишен благотворной силы земли, которая привязывает и питает его. У солдата нет бога, кроме его генерала; ни семьи, ни собственности, ни родины. Его душа дисциплинирована. Его святая обязанность – выполнять приказы. Хорошо еще, если он *любит* войну, потому что может предаваться любовным приключениям и моральной распушенности.

Нет ничего приятного в том, чтобы видеть постепенную деградацию ста четырнадцати тысяч человек, которые были некогда избранной частью могущественного народа. Действенное средство воспитать Европу для свободы.

Перестает говорить, усталый, лишенный веры в будущее; замечает, что Сен-Жюст бледнеет у него на глазах.

Это болезненно и для тебя тоже? Сбивает с ног?

Сен-Жюст [*после долгой паузы*]. Будь прокляты твои глаза, как гласит английская поговорка.

Робеспьер. Да, иногда человек добровольно следует за несчастным Эдипом.

Внутри страны идет тот же разрушительный процесс. Гражданину военная атмосфера пришлась по вкусу, он наслаждается ею; он даже более отвратителен, чем наемный солдат, поскольку его удовольствие извлекается из чистого воображения, он ходит вокруг да около в пустоте. Его эмоции, несвязанные с реальностью, питаются пустыми мечтами и вынашивают кошмарные видения. И здесь разрушается пуповина, которая привязывает человека к земле. Фантомы появляются на месте реальных объектов. Классовое чутье заменяется абстракцией: принадлежностью к нации. Естественная ненависть эксплуатируемого к эксплуататору уступает место бессмысленной примитивной ненависти француза к англичанину. Общественное чувство принимает форму порочного идолопоклонства перед французской армией. Действительно, что за прекрасная организация!

Война с целью получения прибыли изолирует людей друг от друга и от земли, делает их добычей пустых предрассудков и необоснованной враждебности. В безжизненном трансе, лишенные духовного начала, эти несчастные одинокие люди, окутанные густым туманом лжи, дышат им, как воздухом, пьют его как яд. Можешь себе представить, как работает этот процесс? Ничто в окружающей действительности не может противостоять этому разрушительному влиянию. Массовое безумие разрушает смысл понятий, хотя слова остаются нетронутыми. Вокруг бесконтрольно растет и процветает адский сорняк и его имя – лживая пропаганда. Сравни значение слова «патриот» в восемьдесят девятом и сейчас. Тогда оно означало борца за свободу, теперь оно обозначает головореза.

Сен-Жюст [*отчаянно*]. Я клянусь, что ты преувеличиваешь. Ты попал в точку, но ты раздуваешь явление сверх всякой меры. Это так же неверно, как и ошибаться.

Робеспьер [*саркастически улыбаясь*]. Я последую твоему совету и перенесу свою точку зрения только на год вперед. Я охотно признаю, что все *еще* не так плохо.

Теперь перейдем к рассмотрению политических аспектов этого завидного положения дел. Пока маленькие поросята в горячке вертятся по кругу, не понимая, что помогает им держаться вместе, большие свиньи настолько обогатились на неисчислимых бедствиях, что теперь напрягают свои жирные мозги, размышляя, как использовать свою бездну денег. Вскоре даже они поймут, что со своей казной они держат взаперти величайшую силу на земле.

В этой почве – корни девятнадцатого столетия. Семена уже проросли. И бог будущего столетия рождается тоже: это Капитал.

Наша Республика – это Вифлеем: все в соответствии с традицией. Постоянный хлев, много рогатого скота. Вскоре толпа королей и пастухов будет подниматься, и падать на колени в грязь. Только звезды не хватает. Нигде нет света.

Вот... ВОТ плод четырех поколений ада. Именно для этого человек должен был напомнить себе о своей гуманности, уничтожить старый порядок, потребовать жизни для себя. Для этого государство рождалось в муках, от которых земля содрогнулась.

Сен-Жюст. Остановись, Максим. Я не могу больше за тобой угнаться.

Робеспьер. Остановиться? Из-за смешной личной неудачи ты *требуешь*, чтобы я выпрыгнул из своей шкуры. И что бы я оставался спокойным при рассмотрении вопросов, из-за которых раскалывается мой череп. Как я могу претендовать на превосходство над всем этим. Когда я вижу, что у человека крадут дух, его право на существование. Капитал! Чудовище лежит еще розовое в своей колыбели, готовясь надуть революцию во всех ее достижениях. Через сто лет он изменит лицо мира, преобразует человека и его интеллект в хорошо смазанный механизм; с убийственной жизнеспособностью он будет пожирать всю вселенную – и задохнется. Капитал!

Сен-Жюст [*слабо*]. Ради бога, придерживайся реальности. Я медленно теряю рассудок.

Робеспьер. Как и я. [*Он поднимается, приближается к окну, трет рукой висок. Он говорит полностью изменившимся голосом, и*

наклоняется, в раздумье.] Божественная ночь. Эта тишина открывает бесконечные перспективы мерцающей, дрожащей радости. Темнота таит в себе живую силу.

При сильной лихорадке здесь дышится легче. Жизнь – утраченный рай. Почему нельзя быть наивными и наслаждаться ей.

Даже не просто наивными, но свободными от познания добра и зла...

***Робеспьер** смотрит через окно жадными глазами, выражающими боль и желание; он делает два шага и останавливается у полуоткрытого окна, слегка из него высовываясь.*

Сен-Жюст [*смотрит на него все время*]. Не забывай, Максим, у тебя нет крыльев. Это третий этаж.

Робеспьер [*поворачивается, улыбаясь*]. Спасибо за предупреждение. Но я вовсе не собирался возвращаться таким путем в мое первозданное отечество. [*Он садится.*] Я еще джентльмен, несмотря на два года в Конвенте, и я всегда покидаю комнату через дверь. Послушай дальше.

Очень скоро Капитал станет творить чудеса. Как только создастся организованная сила денег, она начнет решать судьбы наций. Дантонистов нужно поблагодарить – конечно, никто не признает за ними этот успех – блестящую идею, что нужно покупать одним приемом всё правительство целиком, вместо того, чтобы по мелочам подкупать отдельных его членов.

Когда правительство окажется таким способом захвачено, обеспечить его названием, принципами и программой будет детской игрой.

Сен-Жюст. Ты прав, банда Дантона пыталась это сделать, и они получили то, что заслуживали. Откуда это полное пораженчество, мой друг. Я осознаю потенциальную силу золота, но, чтобы купить правительство нужно больше биллионов, чем существует на земле.

Робеспьер. Правительства не так дороги. Ты, как всегда, переоцениваешь людей. И эти биллионы существуют, хотя они еще не отчеканены.

Подожди немного, пока наука не превратит силу и материю, до последнего атома, – в деньги, даже не в золото. Тогда будет достаточно биллионов! Для правительства будет отдельный рынок, с экспертами и всеми атрибутами.

Просто посмотри на наше собственное правительство. *Они*, мой друг, дозрели до молотка, но также и для секиры, если дьявол слышит мои выводы.

Конвент, откровенно реакционный, под прикрытием своих революционных слоганов, заботится только о том, чтобы попасть на торги, за величайшую возможную цену. После аукциона знаменитая и победоносная Франция будет упорядочена своим новым покупателем, согласно его вкусу. Возможно, частный золотой прииск, оставит свое помпезное название *Res Publica*, в стиле уличной шлюхи, но не более. Капитал должен быть готов к новому крещению, мир увидит новое королевство под скипетром Орлеана или Йорка. Цезаризм может еще войти в моду. Французская империя неглупо звучит. Возможностей столько, сколько набитых карманов, и еще больше названий.

Он встает, закладывает руки за голову, смотрит некоторое время на потолок, вновь опускает свои руки и прислоняется к столу.

Капитал дрожит от нетерпения, правительство сдерживает себя с трудом, но они не осмеливаются открыто аннулировать Революцию, как недействительный контракт; они не осмеливаются сделать это, потому что я еще жив.

И я буду жить до тех пор, пока ненависть сжигает меня. До тех пор, пока сила, которая никогда не дается шутки ради, двигает мое сердце, не дает мне спать. Мой разум переделывает факты в динамит. Моя воля горяча, как печь. Я одержимый. Сила действует через меня, но, возможно силы, направляемой человеческим духом, не хватит, чтобы убить зарождающегося зверя. Во всяком случае, ее достаточно, чтобы нанести тому несколько ран в живот, а это *кое-что*. Я хочу сохранить для человека его человечность, его право на собственную жизнь, которую он, наконец, выиграл для себя. Я хочу защитить его от девятнадцатого столетия. Я хочу разбудить его от пьяного сна, заставить бодрствовать и защищать свою свободу от врагов, подобно порочному сторожевому псу. Я хочу поставить новому божеству с больше мучеников, чем ад мог бы вместить. Пусть думают о том, что их накопленные миллионы золота не могут освободить от страха смерти, когда гильотина отрежет им головы. Пусть пятизначные числа превратят их кровавую смерть в праздник. Бывают часы, когда я горько сожалею, что смерть для преступника стала такой легкой. Каждый из этих современных мучеников вполне заслуживает, чтобы его пытали, как Дамьена.

[Он останавливается и опирается локтями на стол, как будто сломленный собственным весом, тихо]. Я хочу истребить это первое поколение адских свиней, а потом приучить людей сразу перегрызать горло каждому новому появившемуся зверю.

Кажущаяся бесконечной пауза, пока он переводит дух. Через некоторое время он возвращается на свое место и изучает выражение лица своего друга.

Ты понимаешь меня?

Сен-Жюст [*тяжело дышит*]. Основное направление, да. [*Пауза*]. Твой динамит разорвет тебя на куски. Ты уже сгораешь в топке своего духа. Ты один. Ты не можешь нанести раны в живот природы.

Робеспьер [*возобновляет свое беспокойное хождение*]. Ты романтический мальчик, поэт. Природа. Даже стофранковый банкнот представляет для нее опасность.

Сен-Жюст. У природы есть время. Ты лишаешь себя часов сна. Что для нее те десять лет, которые ты вырываешь у нее ценой своей жизни. Ибо на больший срок ты не сможешь задержать логическое развитие земных дел. Даже если ты уничтожишь целое поколение. Ты знаешь об этом, верно?

Робеспьер так вяло наклоняется к подоконнику, что Сен-Жюст вскакивает на ноги, но успокаивается от одного взгляда своего друга.

Пожалуйста. Не падай в обморок. У меня будут ужасные неприятности.

Робеспьер. Сделаю все возможное, но не могу тебе обещать.

Сен-Жюст. В таком случае я просто оставлю тебя лежать здесь. Я не знаю, как обходиться с людьми, которых не доходит ни одно разумное слово...

Он оглядывается – и приходит в ужас, потому что Робеспьер смотрит сквозь него с неестественной концентрацией надвигающейся потери сознания. Сен-Жюст встает и подходит к нему с недоверием.

И все же похоже, что ты... [*он просто пугается*] Робеспьер, у тебя головокружение... или ... я тебя чем-то обидел...?

Робеспьер [*очень медленно опуская глаза; не производя ни малейшего движения*]. Не беспокойся. [*Тише, сухо.*] Ты попал в точку. Задел мою Ахиллесову пятую. Со всей жестокостью юности. Я должен

боротся с ней каждые несколько часов. Она подстерегает меня везде, она никогда не меняется, всегда побеждаемая – остается непобежденной. Этот демон и есть невралгия, неизлечимая, очень болезненная. И – я гарантирую это – безвредная.

Но я никогда не думал, что это обвинение будет произнесено *твоими* устами. Ответ на этот вопрос, впрочем, так же прост, как и сама сатанинская идея. После десятилетней задержки естественное развитие вещей *должно* пойти совсем другим курсом, чем тот, что был изначально предусмотрен. Природа вечна, это ее единственное преимущество. У нее нет ума и нет воли. Человек может преодолевать ее в течении вечности.

Сен-Жюст [*вымучивает усталую улыбку*]. Ты парировал удар, но как тупо и судорожно. Ты был поражен, ты, блестящий фехтовальщик, ты был смертельно ранен. Ты не можешь вернуть удар, у твоего противника нет сердца. [*Долгая пауза.*] Но ты отклонился от курса. Через девятнадцатое столетие прямо в вечность. И я до сих пор не знаю, что на самом деле означает твое злоупотребление невиновностью Карно.

Робеспьер. Что?! Ты все еще не понял?

Сен-Жюст. Я могу догадываться, но хотел бы, чтобы ты подтвердил.

Робеспьер. Я хотел разорвать отравленное заклятие побед. Я хотел привести к вторжению европейской коалиции через наши границы. Внезапная, страшная опасность все еще может разбудить человека в солдате и спасти его – пока он все еще помнит, что угрожают его имуществу и детям. Кроме того, в гражданах порвется тонкая паутина лжи. С громовым набатом колоколов ни одна ложь не может остаться нетронутой и жестокая, яркая, здоровая реальность вернется. Конец будет положен дешевым мечтательным сенсациям, культу героев полубогов, славе нашего оружия, всему этому имперскому безумию и патриотической непристойности. Под угрозой своему существованию, семье, крыше над головой, корове в сарае. Опасность, громовая опасность, неизбежная, ближе с каждым часом. Народ, пытаясь понять, весь *народ* должен встать и приложить все свои силы. Когда бегство или пассивность будут означать неперемненное уничтожение! Народ во славе своего наивысшего могущества – там, где прежде свободно бродили несущие бред безумцы и машины гремели, как оковы. Народ должен сгрудиться вокруг правительства, стать с ним одним целым, их кровь будет биться в одном кровотоке. Можешь ты себе представить, какую власть имело бы такое правительство? Можешь ты себе представить одновременно возрастание силы и очищение тела и

духа? Паразиты сгнули бы, как дурной сон. Армия была бы живым оружием в руках хорошего фехтовальщика. Все европейские автоматы, собранные вместе, не смогли бы разбить это оружие. Такое объединение народа означает волшебство непобедимости.

Сокрушительное поражение было единственным средством, чтобы Республика, сейчас умирающая от заражения крови, выздоровела и воскресла.

Сен-Жюст. Ммм... Я не *уверен* в этом. Просто подумай, что было бы дальше: нам внезапно перестает сопутствовать успех; северные границы пересечены. Париж, на самом деле изнеженный и деморализованный, обнаруживает правду. Неизбежным результатом стала бы паника.

Робеспьер [*спокойно*]. Я подавил бы панику за шесть часов.

Сен-Жюст [*вскакивает на ноги с широко раскрытыми глазами*]. Ты думаешь, что сможешь сделать *это*...?

Робеспьер [*еще более спокойно*]. Нет. Я уверен.

Долгая пауза

Сен-Жюст [*все еще пораженный*]. А что, если ты будешь убит?

Робеспьер. Невозможно. В таких обстоятельствах у народа есть инстинкт, и лидер вырастает до пропорций гиганта. Я буду неприкосновенен. Я буду бить их так, что кровь будет хлестать, а они даже не попытаются уклониться от ударов.

Сен-Жюст [*с почти божественным преклонением*]. Это возможно... Но даже если бы ты был богом, один удар ножа в руке ничтожнейшего английского шпиона свалил бы тебя.

Робеспьер. Да, в *этом* кроется опасность. Я не совсем уверен, что ты способен принять мое наследство; а если нет, тогда действительно...

Сен-Жюст. Тогда действительно – общая катастрофа. Тогда, конечно, конец, бесповоротный конец Революции и Республики, если не независимости Франции.

Ты *этому* хотел подвергнуть Республику в то время, когда она, наконец, победила своих злейших врагов и начала пожинать плоды.

Робеспьер. Несколько гнилой плод.

Сен-Жюст [*с возрастающей горячностью*]. Ты один видишь гниль там, где другие видят изобилие и богатство. Как ты можешь следовать своим личным предпочтениям, наперекор мнениям остальных?

Робеспьер. Предместья разделяют мое мнение, так как они демонстрируют зловещее отсутствие интереса. Этого достаточно для меня. Но даже без этого свидетельства я бы не колебался.

Сен-Жюст [*пытаясь вернуть себе самообладание*]. Ты преувеличиваешь, видя все в черном цвете. В конце концов, все это предположения, далекие скачки смелой цепочки размышлений. Слава богу, между идеей и ее реализацией лежит пропасть и редко кому удается перебросить через нее хоть малую часть своих планов.

Робеспьер. Тебе хорошо известно, что этой пропасти нет. Я, во всяком случае, не мечтатель. Конечно, я тоже считаю реальность пропастью, геенной, но я стою в ее центре.

Сен-Жюст [*после паузы, с внушающим страх восхищением*]. Верно, ты уже начинал воплощать эту дьявольскую идею в жизнь. Катастрофа, несомненно, произошла бы, аккуратно и вовремя, потому что ты уже встал на кратчайший, вернейший путь, избранный с холодным расчетом и ведущий к катастрофе...

Молчание дрожит в воздухе.

Робеспьер [*закрывает глаза, использует каждую секунду перерыва для отдыха; через какое-то время. Сонно*]. Перестань удивляться, или мы ненамного продвинемся...

Сен-Жюст [*вскакивает на ноги*]. Ты не безумен, твои глаза зрячи, несмотря на лихорадку. [*Он делает несколько шатающихся шагов, вдруг останавливается, обвиняющим тоном*]. Робеспьер, просто посмотри. На какой безответственный риск ты идешь. Твой – твой план с катастрофическим приказом был гениальным ходом, его результат был обеспечен, выполнение верное, за исключением одного движения; и это единственное движение привело к тому, что вся схема обратилась в ничто. Между Карно и генералами стоял я, непосвященный. Я увидел ошибку, взял на себя ответственность за превышение своих полномочий и выдернул запал. Твоя мастерская схема дала осечку; и все это зависело от одного движения.

Итог финального акта решит судьбу Франции. Он зависит, однако, от двух вещей: во-первых, твоей способности предотвратить панику и взять бразды правления в одиночку; во-вторых, от твоей жизни...